

Пролог

Скала смотрит. Смотрит, как он с трудом, припадая иногда на локти, движется. Под его ладонями и коленями жжется бледно-золотистый раскаленный песок.

Он ненавидит свет и синеву, режущие глаза, ненавидит боль в согнутой, искривленной спине, но куда больше ненавидит крики чаек, ласковый плеск волн и разнеженный говор. Визги. Хохот. Прочие звуки из хрупких глоток тех, кто думает, что им ничего не грозит. Топот босых пяток. Шум воды, в которой они возятся, как свиньи в грязи. Все ближе. Кто-то пьет виноючее терпкое вино, в котором колко бренчат ледышки, кто-то пожирает фрукты, обливаясь липким соком.

Они по уши в своем счастье, в своем душном, липком, глупом лете. Резвятся, жирные животные, настолько довольные, что пока даже не заметили его, да что там, его не заметил по пути никто, хотя разве это просто — пропустить человека на четвереньках? Вряд ли. Впрочем, если, пытаясь его задержать, ты умираешь... Ха-ха. Вот тогда-то ты его и *пустишь*.

Он продвигается еще немного вперед, со лба падают на песок капли пота. Застывают темными точками, чуть светлеют и превращаются в паучков, которых он очень хотел бы проглотить или хотя бы посадить себе на спину, но некогда. Паучки подождут. У него дело, которое не терпит. Нужно успеть, пока не узнал брат.

Но потом он должен узнать обязательно. Должен. Ему придется.

— Смотрите! — мерзкий детский крик. — Кир ползет!

Он поднимает голову, взглядом вылавливая среди пары десятков отдыхающих на пляже любопытного ребенка, который смеет так визжать, да наверняка еще и таращится и тычет пальцем. Находит. Девочка в коротенькой зеленой тунике, с крупной ракушкой в пухлой левой руке. Она застыла прямо посреди пляжа, подняла вторую руку в его сторону. Широко улыбается. Пары зубов нет. И пялится, правда пялится большими, выпуклыми, как у лягушонка, глазами.

— Кир, кир, кир! — взвизгивает она снова, так, будто видит что-то самое потрясающее в своей короткой жизни, и он ощущает еще несколько взглядов — от тех, кто в воде, тех, кто лежит возле пенящейся кромки, тех, кто дальше.

В этих взглядах уже не любопытство. Многие все понимают и начинают вставать.

— Эй, — чеканит какой-то мужчина. Аккуратно подходит сбоку. — Эй, вы... ты... — Бедолага даже притащил с собой меч. О боги, кто таскает мечи на пляж?.. Зато узнал. Узнал, это читается по округлившимся глазам и рту, из которого вылетает: — БЕГИТЕ!

Скала смотрит. Он чувствует ее выжидательный взгляд и чувствует, как смех и смерть, сдерживаемые годами, вскипают в груди и разливаются по рукам силой. От точек пульса до кончиков пальцев. Именно так. Хорошо. Кто-то правда бежит с криком при виде всего-то его вскинутых рук с сухощавыми, изгрызенными в мясо пальцами. Так еще лучше. Скоро они позовут брата. Они должны позвать брата. Брат должен вспомнить, ему будет что вспомнить, будет, будет, будет...

Брат вспомнит все, чего ему обещали не делать. Никогда не делать.

— Милая! — зовут наглую пигалицу в зеленой тунике, но она уже не ответит.

Улыбаясь мерзкому солнцу и мерзкому небу, он вскидывает руки выше и, когда первые тела — сразу шесть или семь — взмывают над песком, лениво поворачивает кисти. По часо-

ПРОЛОГ

вой стрелке. Против. По. Против. Будто выжимая мокрую ткань. Хрусть-хрусть. Пока не прекратятся последние крики.

Никогда еще он не слышал такого славного треска костей. Приятный звук. Намного приятнее торжественной песни горнов-раковин. Тех горнов-раковин, что отняли все. Тех горнов-раковин, с которыми *она*, победоносно улыбаясь, склонила голову, чтобы на нее надели венец.

На песок падают новые и новые паучки, горячие и красные, куда крупнее первых.

Скала смотрит. Ей нравится это зрелище.

Часть 1

ПРАВИЛА ВОЛШЕБНИКОВ

- *Смотри, какой красивый сад
алеет там, вдали.*
- *Мне дела до чужих садов нет, я тоскую
по своему.*
- Как был он свеж, душист и зелен.*
- *Так отчего не плачешь ты? Как гордо ты глядишь...*
- *Не плачу оттого, что и по мне не плачут.*
- Не страшно мне, и там, где слышат Вой иные,
я слышу Песню.*
- Песню мстительного гнева.*
- *Кто пел ее в падении тебе?*
- *Тьма безголосая, и кажется, что... ты?*
- Я будто знаю. Будто вспоминаю. Тебя. А не случалось ли
тебе гулять в моем саду?*
- *И до того, как он твоим стал.*
- Дай мне руку.*
- Узнай меня.*
- *Не верю...*

Орфо ЧУДОВИЩЕ

Не убивать его. Только не убивать.

Я не выпускаю мысль из головы, даже когда в уши врезается лязгающий скрежет торакса¹. Когти сминают его — черно-багровые, жесткие, каждый с мой палец длиной. Пять глубоких царапин медленно, но верно раскраивают узорчатую сталь; от моих ребер когти отделяет, скорее всего, тончайший, не толще волосинки, слой уцелевшего металла, да еще слой одежды. Даже сквозь них я, кажется, чувствую иномирный холод — озноб продирает до онемения, щупальцами обвивает тело. А может, не кажется: почему еще я, распростертая на спине и выронившая меч, никак не вывернусь? По позвоночнику словно ползают ледяные жуки.

Монстр Преисподней — освежеванный до мышц и костей, широкоплечий и похожий на обугленного, начавшего уже гнить атланта — склоняется ниже, скаля серые зубы на серых же остатках лица. Глаза в рваных лоскутах век полны красного света — и секунды три я трачу на схватку с другой мыслью. Как больно в них смотреть.

Не потому, что они жгут все тем же холодом. И не потому, что в них желание выгрызть мне лицо, а затем уже в спокойной обстановке дожрать остальное, включая, возможно, мою одежду, мои сапоги и моего кота, если этот мелкий паразит сглотит и вернется.

¹ Т о р а к с — античный корпусный доспех.

А потому что я помню эти глаза другими.

Секунды три. Больше нет. Монстр, зарычав до дрожи в каменных сводах, молниеносно подается вплотную — действительно собирается впиться зубами в мои щеки и нос. Воздух из его пасти ничем не пахнет, но таящиеся в дыхании осколки льда режут скулы, попадают в глаза.

Попалась.

Я, завопив, все же изворачиваюсь — и откатываюсь вбок, скинув его холодную тушу. Торакс лопается прямо на мне, сразу в нескольких местах: и там, где когти в него впились, и там, где металл слишком терся о камень, по которому меня успели повалить. Низкие температуры многое делают хрупче, меня же предупреждали... Зато я ухитряюсь вскочить и снова схватить оружие.

Следующий удар когтей приходится на запевший и заискривший серебром клинок — Финни, моя выкованная богом Фестусом верная подружка, готова крушить, ей-то холода не страшны. Но увидев в который раз вторую руку Монстра — серую, тонкую, болезненно нелепую руку с одиноким ободком бирюзового кольца на мизинце, — я снова отступаю, теряю запал и, пропустив удар в лицо, отлетаю к стене. Финни возмущенно звенит, но другой звук хуже.

Слабая.

Что-то в моей голове, под страдальческий хруст позвоночника.

Ты пропала.

Это громче — когда я падаю.

Монстр оказывается рядом в ту же секунду, когтями поднимает меня за горло. Хватка, вероятно, сдирает с моей шеи немало кожи, глаза застыт слезы. На миг красная лоскутная боль ослепляет, и пальцы опять выпускают Финни. Хриплю, впустую дергаю ногами, но, на счастье, меня швырнули в крайне удачном месте, где достаточно сталактитов, — а у меня пока достаточно сил, чтобы, отломав один, использовать его как дубину, прямо на этой склизкой, покрытой

Часть 1. Правила волшебников

ожогами и шрамами голове. Под новый рев камень рассыпается в крошку. Но я вновь оказываюсь на полу.

Шею разрывает, кости омерзительно ноют: устали от злощастной пещеры. Заставляю себя не щупать глотку, вообще ни на что не тратить время — только два действия: схватить оружие и отпрянуть как можно дальше. Монстр не успевает за мной: видимо, отвык от того, как двигаются люди; в Подземье все немного медленнее — по крайней мере, по его жителям так кажется. Он бьет когтями камень там, где еще недавно была моя голова. Но я уже в пяти шагах.

— Эй, эй! — зову, подпрыгнув. Мой рассудок, конечно, не в восторге от подобной смелости, но выбора нет, и я снова встречаю пылающий взгляд. — Я бешу тебя, да, да? За мной!

Он кидается — я убегаю, оскальзываясь на влажных булыжниках. Мне нужно совсем в другую часть этого огромного, темного, как задница морского змея, пространства. Красные кристаллы, местами растущие из потолка и пола вперемешку со сталактитами и сталагмитами, не помогают, света все равно маловато, полагаться приходится на память. Так, вот тут я вошла — и в этот коридор могла бы выбежать. Тут мы столкнулись, тут сшиблись — а там я упала в первый раз, стесав ладони о шершавые камни. Упала неудачно, настолько, что...

— Эй, эй! — Падаю снова, там же, и одновременно разворачиваюсь. В этот раз Финни я бросаю сама, а вместо ее успокаивающе прохладной рукояти пальцы смыкаются на кажущемся очень хлипким деревянном древке, дергают его с пола вверх. — Помнишь? Получай!

Мышцы плеча отзываются болью, но это другая, почти приятная боль: наконец-то! Монстр кидается на меня мигом, и все же змея хлыста быстрее — рассекает влажную затхлость воздуха грозным свистом, глуша даже рык. Щелчок у самых глаз — Монстр замирает в странной полусогнутой позе, с безумной гримасой на том, что могло бы быть лицом. Второй щелчок — и ремень хлестко обматывается вокруг костлявого горла, в два оборота. Сплетенные жгуты вспыхивают таким

же красным сиянием, как эти яростные глаза. И петля затягивается сама.

Как всегда.

— Помнишь? — шепчу я. Дергаю легонько, но Монстр тут же падает на колени, будто ему подрубили ноги. — Да... Неприятно. Сюда, сюда.

Воздух заканчивается быстро; Монстр хрипит, пристально глядя в ответ. Холод от него я чувствую даже через разделяющие нас четыре шага, особенно когда из серо-черной груди, не то заросшей кровавыми лишайниками, не то теряющей ошметки кожи так же, как лицо, вырываются рваные булькающие сипы. Попытки вздохнуть. Хлыст медленно, но верно делает каждую все труднее, ведь он сам знает, когда хватит, точно так же, как знаю это я.

— Ирония, правда? — Пальцы похрустывают: древко я невольно сжала крепче. Но вовсе не потому, что боюсь упустить добычу.

Пару раз Монстр дергается, пока его не парализует; пару раз поднимает руки, пытаюсь порвать плетеный ремень, — но обжигается предупреждающим красным огнем. На камнях у моих ног злорадно звенит Финни: она сегодня не попробовала крови, но все равно чувствует себя причастной к победе. А вот я уже не чувствую ничего.

Не убивать его. Только не убивать. Голова кружится, лицо в поту, из рассеченной губы и носа идет кровь. Колени ощущаются скорее как разбитые яичные скорлупки; спина и шея просто горят, будто мне напихали за ворот углей. Смотреть на валяющийся искореженным шматом торакс страшно, особенно если вообразить, что в нем могла застрять я — получился бы горячий ужин в некоем подобии железной банки. Но я повторяю это про себя снова и снова, не то как заклинание, не то как молитву.

Не убивать. По крайней мере, пока есть надежда, что он помнит.

Если он не помнит, я обречена.

Его глаза закрываются. Он падает к моим ногам.

ПРИНЦЕССА

Наш мир устроен очень просто: слушайся богов Святой Горы – и с тобой ничего не случится. Боги, скорее всего, не дадут оступиться, ты только не зли их и не огорчай. Тогда тебя ждут удача, благоденствие, просветление. И много всего приятного в довесок.

Правила богов запомнит и ребенок: не воруй у них, не дерзи им. Клади мертвецам монетки на глаза, нарекай свой меч женским именем, если ты женщина, и мужским, если мужчина. Не ешь гранаты с земли, не мучай лягушек, загадывай желания звездам только про себя. Не превосходи богов в каком-либо мастерстве. Не засиживайся на троне больше двадцати лет. Не повезло родиться *волшебником* – просто смирись, что не проживешь долго, а пока жив, делай что должен. Принадлежишь к другому *демосу* – странникам, ломателям, изыскателям, целителям, любому, – возблагодари судьбу; не мечен вовсе – возблагодари стократ, ведь это освободит тебя от ожиданий. И дальше, дальше, дальше.

Правила записываются: мы вносим их в своды сразу, как постигаем. А иногда боги столь щедры, что сообщают нам о новых правилах сами. Правда, такое в последний раз было поколений десять-двенадцать назад: тогда они как раз прокляли все наши регалии и старым тиранам пришлось срочно искать преемников. Остальные же мы открываем случайно. Раз за разом.

Я всегда ненавидела правила. Потому что родилась одной из тех, кому отказали в долгой жизни. Принцесса Орфо Каператис. Волшебница.

Я хорошо помню, как самое первое правило: «Дочь наша, ты особенная, и тебе будет непросто» – ворвалось в мою жизнь. Мне было семь, мы с родителями ужинали в бухте, и я побежала по берегу за старшим братом Лином, требуя отдать последнюю вымазанную в меду и козьем сыре лепешку. Лину недавно исполнилось десять, он бегал намного быстрее

и неприкрито этим гордился. Смуглые пятки его сверкали, тонкие браслеты на щиколотках насмешливо звенели. Он здорово от меня оторвался, и я, бессильно смотря на темные завитки его прыгающих на ветру волос, в какой-то момент подумала, что здорово было бы набросить веревку ему на икры, свалить — да и протащить назад, а потом отнять еду. Веревки у меня не было, но стоило это представить — и Лин упал, а потом его поволокло ко мне. Я многое не продумала: по пути он измазал лепешку в песке, и больше это угощение меня не прельщало. Но именно тогда подбежавшие отец с матерью и объяснили наконец, что же за маленький рисунок темнеет на внутренней стороне моего левого запястья с самого рождения.

Направленная к ладони стрела, наконечник которой охвачен огнем. Метка волшебников.

Еще больше мне должны были объяснить их панические крики: «Орфо! ОРФО! Не смей трогать брата!» Но тогда я этого не поняла. Почувствовала неладное, только когда обратно к замку меня вели, слишком крепко держа за руки с двух сторон. Скорее как преступника, чем как дочку, которую хотят повеселить, внезапно подняв в воздух и раскачав, словно на качелях. Лин шел в стороне и молчал. Оба его золотисто-загорелых жилистых запястья были чисты от знаков. С метками ведь рождается только половина людей или около того. У мамы метки тоже не было, а отцу достался знак *хозяина* — маленький домик, символ того, кто обладает особой способностью создавать уют, где бы ни находился. Неплохой знак для короля.

В тот вечер, поговорив со мной, родители быстро заперлись в спальне. Я, сильно волнуясь, конечно, пошла подслушивать к дверям. Услышала я мало: двери у нас толстые, из сосны чуть ли не со Святой Горы. Но трех реплик на повышенных тонах было более-менее достаточно.

«Вот оно и проявилось, Плиниус!»

«Только бы хватило ей силенок на подольше».

Часть 1. Правила волшебников

«Какие силенки? Нужно срочно искать гасителя, пока она не!..»

С той ночи правда для меня пахнет золотистой смолой, которую источает в тепле сосновая древесина. С той ночи я часто думаю, на сколько мне «хватит силенок» или они вообще уже закончились.

Наутро за завтраком я, даже не пытаясь скрыть, что подслушала, спросила, кто же это — гаситель. Могла бы и догадаться: я получу сразу два туманных безрадостных ответа.

«Тот, благодаря кому ты, может быть, доживешь до двадцати», — сказала мама: она всегда сердилась из-за того, как я пренебрегаю правилами, что божескими, что родительскими.

«Тот, кому придется отдать тебе свою жизнь», — добавил отец, и вот тут я заревела. Стало совсем понятно: происходит что-то плохое. Я не нуждалась в чужих жизнях, мне хватало своей, она была маленькой, но я ее любила. Я плакала в голос, а родители молча глядели на меня: хмурая мама с холодным облаком золотых волос и сжатой в тонких пальцах маслиной; отец, похожий на большую темную гору, но явно мечтающий спрятаться за кувшином с молоком.

Лин тоже был там и сосредоточенно слушал. Смотрел на меня, смотрел, а потом подал наш тайный знак — ущипнул себя за мочки ушей — и удалился с кубком медовой воды на балкон. Это он пообещал мне все объяснить, поэтому я скоро перестала плакать, выскочила из-за стола и присоединилась к брату. Родители за нами не пошли: уже привыкли, что Лин как бы... не может долго с людьми, особенно тяжело ему по утрам. «Каким же ты будешь королем?» — ворчала иногда мать, все же вламываясь в его уединение. «Тихим и скромным», — шутил Лин, но глаза его, такие же глубоко-синие, как у нее и у меня, словно замерзали. Я знала, что он тоже боится или, скорее, не хочет: терпеть много придворных, праздников и дел, и заводить жену, и каждый день общаться с нудными советниками, и много другого. Но выбора не

было: корону всегда получает старший или старшая. И, что еще важнее, никто в здравом уме не коронует волшебника. История знает исключения, но лишь несколько. Во всех них замешаны или любовь, или отчаяние, или и то и другое. И ни одно не кончилось хорошо.

Я не знала о волшебниках ничего. При нашем дворе их не было, при других вроде как были, и среди наших подданных тоже — но это не слишком громкие люди. Они тоже подчиняются множеству правил: например, могут «помогать своим», но не могут «вредить чужим»; не имеют прав на власть, в определенные ночи года страдают от ужасных кошмаров — потому что их дар на самом деле краденый, и часть богов до сих пор человечество не простила. А главное, самое главное... чтобы протянуть хотя бы лет сорок, волшебнику нужен рядом *гаситель*. Иначе волшебник однажды просыпается с вывернутыми суставами или вытекшими глазами, без легкого или почки, без кожи, глубоко старым, не способным ходить. Дальше — или одновременно с этими увечьями, или еще раньше, чем они обрушатся, — волшебник начинает сходить с ума. Видит галлюцинации, не контролирует плохие чувства. Становится похотливым или прожорливым, гневливым или вдруг мечтает захватить мир. У каждого это происходит в разном возрасте, в зависимости от того, насколько он развивает силы и сколько раз нарушает правила. Гаситель — человек, близость которого замедляет все эти жестокие вещи. Волшебнику он может быть родственником, другом, мужем или женой, слугой, командиром — кем угодно, лишь бы рядом, физически и сердцем. Знак гасителя — тоже стрела, но повернутая в сторону локтя и без пламени. Гасителей мало, их невероятно трудно найти, многие волшебники так без них и погибают. Но родители обязательно найдут.

Примерно все это — только помягче, чтобы маленькая я не умерла от страха, — и сказал Лин, когда мы стояли на белом резном балкончике с кариатидами и глядели в голубую, полную пенистых барашков даль. Лин ко мне не поворачи-

Часть 1. Правила волшебников

вался, брови его были сдвинуты, и он казался старше из-за серьезности. Я старалась скрыть, как напугана. Понимая, что хорошего не услышу, я все-таки подошла ближе, встала на носки и потянула его за край синей туники, перехваченной в талии золотым ремешком.

— Лин, — спросила я, — а ты не сможешь стать моим гасителем?

В тот миг я видела его профиль — и заметила, как грустно дрогнул край узкого темного рта.

— С метками рождаются, малыш. По-другому никак. — Он помедлил. — Но ты не бойся. Говорю, родители тебя не бросят.

— А ты? — Я запнулась. Снова вспомнила, в каком ужасе мама с папой — особенно мама — кричали на меня вчера. — Ты?.. Ну... я же, получается, опасная...

Лин повернулся, заметил что-то на моем лице, удивленно наклонился. Его теплые ладони легли мне на плечи, легонько сжали и даже встряхнули. Я опять зашмыгала носом.

— Ну эй, — начал он, смотря мне в глаза. Улыбнулся уже по-другому. — Эй, малыш. Не настолько. Волшебники, знаешь ли, на самом деле всегда творили великие дела. — Он потрепал меня по волосам, вздохнул, и вид его стал рассеянно-мечтательным. — Орфо, был, например, у нашей страны великий король Арктус, так вот у него был большой отряд верных воинов, Боевое Братство, которое он собирал за Круглым столом, и еще придворный волшебник Марион — самый надежный его союзник и советник. Помогал укрощать чудовищ, берег от ошибок, всегда оставался лучшим другом. Знаешь Арктуса?

Я помотала головой. Родители пока читали мне в основном истории о богах: о верховном громовержце Зирусе и его добросердечной, но упрямой жене Гестет — покровителях всего живого; о сестрах-близнецах Окво, которые так много плакали, что разлили Святое море; о непреклонном Арфемисе, придумавшем «правило двадцати лет», когда его возмутит гнет одного людского тирана или тиранши. Я догадывалась,

почему для меня выбирают такие сюжеты: чтобы я, как все жители Гирии, да и прочих стран, поскорее поняла и выучила правила. И конечно, я не решалась признаться: мне так не хватает историй о людях.

— Скоро узнаешь, я тебе почитаю. — Лин гибко выпрямился, снова облокотился на перила. Но его хитрый взгляд не отрывался от меня. — Тебе понравится, я думаю. И из тебя получится здоровская придворная волшебница. — Мои глаза округлились. — Да-да. Я бы этого очень хотел.

— Что же мне придется делать? — опасливо и одновременно с надеждой спросила я. Слова «придворная волшебница» звучали как большая, но интересная вещь.

— Защищать меня и мое Боевое Братство. Помогать нам. Быть умницей. Видеть больше, чем все вокруг, — начал важно перечислять он, но я немного споткнулась уже на первом пункте.

— У тебя нет Боевого Братства. Ты...

Тихий и скромный. Но я не решилась этого сказать. Лин наконец снова посмотрел на воду, убрал волосы со лба. Мне стало легче без его внимательного взгляда.

— Оно будет. Мне никуда от него не деться. Наверное.

— А если я... — Никак не получалось перестать думать о родительском страхе. И о других касающихся Лина вещах, с которыми мне было сложно.

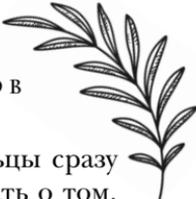
— Орфо. — Как и не раз прежде, он угадал почти все, что я могла бы пролепетать. Залпом опустошил кубок, со стуком поставил на перила. Снова глянул на меня, но уже сверху вниз, не наклоняясь. — Орфо, запомни раз и навсегда: ты не опасна. По крайней мере, для меня. По крайней мере, пока. А чтобы все было хорошо, тебе просто нужен гаситель. Он найдется.

— А если... — залепетала я, но он перебил.

— Орфо, — повторил он. — Послушай. Я доверяю тебе. И всегда буду доверять. — Снова наклонившись, он протянул мне ладонь. — Король и его волшебница. На веки вечные. Ладно?

Часть 1. Правила волшебников

Я взялась за его горячие, липкие от меда пальцы сразу обеими ладонями. И улыбнулась, стараясь не думать о том, как сжимается сердце.

Я уходила с балкона, больше не плача, но бояться стала только сильнее. Я смотрела на свои руки, потом на всю себя в зеркало — пыталась понять, где прячется волшебство. В середине ладоней? Во лбу, в глазах? В груди? Все получилось так просто: я подумала стреножить Лина — и стреножила, подумала протащить по песку — и протащила. Что... Что же будет, если однажды я подумаю убить его? Или превратить во что-то? В какого-нибудь... зверя, не знаю? Вдруг я умею и это? А еще я все гадала, найдется ли для меня гаситель. И если да, то каким он будет. Вот бы кто-то, с кем я могла бы дружить. Вот бы кто-то... хороший.

Но чтобы я обрела гасителя, мне понадобилось потерять слишком много других вещей. Первыми были покой и мама.

ЧУДОВИЩЕ

Толпа низеньких серолицых подземцев *дрогфу*, возглавляемая моим котом, врывается под своды как раз в миг, когда я вытираю кровь из носа и перестаю ругать себя за пару внезапных слез. Темная тишина сразу наполняется возбужденными хриплыми криками, звоном бубенчиков на высоких колпаках, язычками факелов и тем неповторимым «хлоп-хлоп», с которым выстиранные трусы развеваются на ветру, а точнее, перепончатые крылья Скорфуса рассекают воздух.

— Ого, человечича! — подлетев и замерев рядом со мной и Монстром, изрекает он. Единственный глаз весело вспыхивает желтым. — Ты справилась!

Его голос еще ниже голосов подземных жителей — и не подумаешь, как противно он может мяукать, когда хочет есть. Крылья, черные с синими прожилками, обдают меня прохладой — затхлой, но куда менее колкой, чем недавно

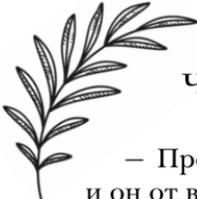
дыхание Монстра. На всякий случай я пинаю добычу в бок — и наконец велю хлысту окончательно ослабить петлю. Толпа дрогфу тут же несется вперед, некоторые грозно машут короткими копьями, и я спешу напомнить:

— Не убивать! Только связать!

Они принимаются за работу, но все равно приходится следить, чтобы кто-нибудь из этих равнодушных граждан не ткнул в серые ребра оружием, или факелом, или еще чем-нибудь, что может прятать в пестрой куртке, за сапогом и в том самом увенчанном бубенчиком колпаке. Подземцы слишком долго мучились с этим существом, бесконечно носившимся по их прекрасным кристальным пещерам и каждый раз кого-то пожиравшим. Подземцы устали от того, как тварь проникала в их сны, лишала воли, заводила в темные уголки и приканчивала. Подземцы, когда я с ними встретилась, были в гневе и ужасе сразу. Поэтому теперь я боюсь: вдруг обещание — отдать мне Монстра, если я с ним справлюсь, — они заберут назад и учинят немедленную расправу.

Но они вяжут своего огромного врага смирно и тихо: пять добровольцев орудуют веревками из пещерных водорослей, пять других страхуют на случай чего, а еще десять — местные токсоты¹, судя по тому, что колпаки желтые, — держат оцепление, не подпуская сердитых сородичей. Еще какое-то время я слежу, с трудом скрывая любопытство. Все-таки занятный народец, жаль, что больше я их, похоже, никогда не увижу. Дрогфу оказались довольно милыми. Они вкусно готовят слепую пещерную рыбу и пюре из тины. Знают все языки мира. И, что для меня, пожалуй, главное — у дрогфу вообще нет правил. И с богами все тоже очень условно. То ли жители Святой Горы о них забыли, то ли махнули рукой, то ли Скорфус прав и это действительно *совсем* другой мир. Точнее, не мир вовсе.

¹ Т о к с о т ы — название полиции и гордской стражи в Афинах.

Часть 1. Правила волшебников

— Предатель, — отвлекшись, все же бросаю я своему коту, и он от возмущения переворачивается в воздухе. Густая черная шерсть ловит алые и рыжие блики.

— Я-а-а? — Это уже больше похоже на свойственное обычным кошкам обиженное «мя». — Да я, между прочим, привел вот эту группу поддержки, и еще...

— Ты бросил меня, — отрезаю я, вспомнив, как быстро скрылся за поворотом тоннеля кончик его пушистого хвоста. — Нет тебе прощения.

— Неправда! — рывкает он, но, посмотрев в мои прищуренные глаза, тут же осекается и закатывает свой. — А-а. Ты шутишь, человечича. Ну да, ну да. Нет мне прощения.

Конечно, я шучу: потеряю еще и Скорфуса — мне точно конец. Я совершенно не была заинтересована в том, чтобы Монстр поймал его и разодрал, тем более магия моего... ладно, питомца, хотя Скорфус не кот, а фамильяр... сделала бы его сильнее. Дрогфу предупредили меня: Монстр набирал мощь с каждой отнятой жизнью. И жизнь, например, жреца, выращивающего кристаллы, питала его лучше, чем жизнь рядового гоплита¹. Не говоря уже о том, что Скорфус не так чтобы любит драться. Он вообще по большому счету довольно мирное существо.

— Ты сделал то, что я тебя просила? — уточняю, уже примирительно почесывая ему голову между острых ушей.

— Пур-р-р, — отзывается он, но спохватывается и сбавляет тон на сухой и деловитый: — Да-да, транспорт там. — Он бегло кивает в сторону тоннеля. — Не карета, но сойдет.

— Отлично. — Я снова тревожно кошусь на дрогфу. Они уже почти связали Монстра. — Эй! — Я взмахом руки привлекаю их внимание. — Пасть... рот... тоже завяжите.

— Хм. — Еще не повернувшись, я чувствую, как Скорфус на меня смотрит. — У меня, конечно, нет дипломатического образования, но мне кажется, это не лучшее начало.

¹ Г о п л и т — название воинов в Древней Греции.

— Мне нужно подготовиться, — напрямую сообщаю я, и Скорфус разумно затыкается, на его островатой морде даже проступает что-то вроде сочувствия. — Да и слушай, судя по всему, разговаривать он все равно пока не может. А от его рева могут упасть сталактиты.

Запоздало понимаю: вторым доводом можно было и ограничиться. Уровень моего доверия к моему же коту порой меня пугает.

— Как всегда разумна, как всегда предусмотрительна, — изрекает он, вздыхает и сам трется пушистой макушкой о мою ладонь. — Ладно... Не расстраивайся, Орфо. Ты в любом случае сегодня молодец.

— А еще уважаю чужое жилище, — все так же запоздало добавляю я, кусаю губу и снова смотрю на дрогфу. Они расступились. Связанный Монстр лежит в поблескивающем круге маленьких начищенных сапог. Он все еще без сознания и все еще ужасен, несмотря на то, что изуродованную кожу и торчащие ребра скрывают пути. — О боги, Скорфус. Мы ведь точно...

— Да, да, успокойся. — Судя по тяжести на плече, он садится туда; судя по влажной шершавости на шее, начинаетлизывать одну из моих ран. — Это даже не будет сложно, первые подвижки ты, думаю, увидишь по пути. А дальше... просто нужен другой воздух.

— Какая все-таки я дрянь, — срывается с губ само. Взгляда от Монстра я так и не отвожу.

— Ты была малышкой, человечича, — спокойно отзывается Скорфус. — К тому же, если я понимаю правильно, все не так просто. Твой брат...

Монстр со сдавленным стоном шевелится. Получеловеческая голова его ворочается вправо-влево и замирает снова. Кто-то из дрогфу плюет ему в лицо, остальные начинают лопотать ругательства. Тревожно. Мерзко. Стыд прожигает до печенок. Взяв себя в руки, я останавливаю Скорфуса до того, как мне захочется зажать уши.

ЧАСТЬ 1. ПРАВИЛА ВОЛШЕБНИКОВ

— Оставим это на потом. Нам пора.

Он не спорит — легко слетает с плеча, хлопнув крыльями у самого моего уха. Устремляется к подземцам и, зависнув под их замороженными, полными почти обожания взглядами, велит:

— Тащите его к телеге.

Чтобы поднять Монстра, нужно сразу десять дрогфу. Они несут его так низко, что серое человеческое запястье, торчащее из веревок, волочится по полу и бьется о камни. Лучше поправить эти путы, потому что вдруг он освободится? Лучше поправить, потому что ему больно.

Но я не могу.

ПРИНЦЕССА

Наши боги и богини считают войны довольно полезным делом. Иногда кто-то из них выбирает одну человеческую сторону, кто-то — другую, и так они выясняют отношения. Делят смертных друзей и врагов. Хорошеньких жриц или жрецов. Яблоки и вино. Земли, которым покровительствуют. Всякие сокровища, которые хранят на Горе. Какая человеческая сторона выиграет, такой бог и победит. Для них это вроде как сыграть в настольную игру за чашей вина.

Но чаще все же бывают войны, на которые богам плевать: недовольно смолкнув, они лишь наблюдают и, вероятно, изумляются смертной глупости. Наша оказалась такой.

Когда Гирия напала на Физалию, я была слишком мала, чтобы понять, что именно нам там нужно. Да даже отец не до конца понимал — войну задумала мама. Говорила, будто Физалия много о себе возомнила. Будто ее волшебники — а там больше волшебников, чем у нас, — начинают вмешиваться в дела других стран. Будто они проникают в умы королей, императоров и консулов, и именно поэтому Физалию резко полюбили: все охотнее ездят к ним, чем к нам, покупают

у них, чем у нас, хотят дружить с их правителем. Даже желтая императрица Ийтакоса и голубая императрица Хиды — наши самые верные, давние друзья — стали бывать там слишком часто.

Сейчас я догадываюсь: это была ложь. Волшебники не могут настолько нарушать правила, и способности воздействовать на других у большинства нет. Дело в ином: Физалия в прошлом — наша провинция. Так было веками, провинций у нас много, но однажды именно Физалия снискала особую благосклонность одного из наших королей — моего прадеда Иникихара — и стала независимой. Ей даже не понадобилось отвоевывать свободу. А потом она начала расцветать.

Мы тоже не бедствовали, другие страны дружили и с нами. Нам не было равных в сыре, вине, выделанной коже, дешевых тканях и строительном мраморе. Но все равно мама злилась. Особенно когда узнала, что физальский король Гринорис вот-вот выдаст дочь за сына консула Игапты — самой большой, процветающей страны на континенте Святой Горы. Страны с огромной армией и особым покровительством самого Зируса. Страны, мнившей о себе, по мнению мамы, еще больше.

Повод нашелся вскоре — случилась бойня на острове Пери. Ту территорию, полную вулканов и самоцветных залежей, мы делили со дня, как Физалия освободилась. Половину населения там составляли гирийцы, а половину — физальцы. Жили они дружно, работу делили на всех — добывали обсидиан, проясняющий разум, гематит, останавливающий кровь, и священный лазурит, облегчающий агонию. Говорили на обоих диалектах нашего общего континентального языка. Над замком Дуумвирата — союза двух правящих островом патрициев-наместников, гирийского и физальского, — развевались сразу два флага.

Маме было мало этого, залежами она хотела владеть безраздельно. На Пери тайно отправились ее младшие братья — чтобы убедить островитян перейти под нашу юрисдик-

Часть 1. Правила волшебников

цию, соблазнить их привилегиями вроде низких налогов. Но оказалось, не они одни вели подобные разговоры, Гринорис лелеял те же планы. Он был убедительнее, щедрее, обаятельнее, и большая часть народа уже выбрала физальский путь, путь дружбы с охочими до лазурита игаптянами. За попытку убить Дуумвират и захватить власть моих дядь растерзала разъяренная толпа, ну а вскоре, несмотря на официальные извинения короля за эту расправу, мама ввела войска — сначала на остров, потом в физальскую столицу, во имя *мести и превентивности*. Она верила, что это убийство — лишь часть будущих козней Гринориса. Она верила и во многое другое, о чем мы больше не говорим.

Сейчас я понимаю: она, никогда не любившая братьев сверх меры, скорее всего, знала, куда отправляет их — хилых, бестолковых, но постоянно требовавших должности в Сенате и ужасно мечтавших о славе. И не просто так задолго до этого по Гирии поползли чудовищные слухи: якобы физальцы *дичают*. Перенимают все больше темных практик у игаптян — например, мумифицировать тела в надежде оживить их; вспоминают собственные древние зверства — такие, как обычай сбрасывать со Святого утеса или скармливать свиньям слабых младенцев. Мама доводила меня до тошноты, то рассказывая подобное, то кроваво расписывая мучения дядь. А я не задумывалась о том, что Святое море нельзя осквернять кровью, тем более детской: это правило соблюдают все страны. Как не знала я о том, что физальцы не выращивают свиней, их кормит рыболовство, а не скотоводство. Мама твердила: «Игапта растит ручное чудовище. Если не призвать физальцев к порядку, они вместе уничтожат нас. Это мы должны главенствовать на континенте. Мы, не кто-то другой». Ее глаза горели. Она сама надевала торакс, брала два меча — в нарушение правил лишь у одного было женское имя, у второго мужское — и шла в бой.

Лишь многим позже я поняла: она опугивала меня жестокими выдумками. А тогда безнадежно раскаивалась за то, что

киваю с пустым сердцем. За то, что мне не жалко болтливых дядь — толстого и тонкого, с одинаково кислыми лицами и быстрыми глазами. За то, что считаю: надо было им сидеть дома, а физальцы никакая не «часть нашей цивилизации». У них же волосы другие, и одежду они носят странную, и вообще! Они ведь были таким же древним народом, как мы, — пока однажды беда не вынудила их покориться.

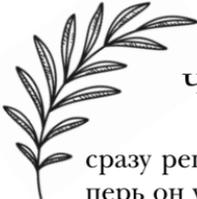
Мы воевали год. Боги нами так и не заинтересовались, а вот Игапта физальцам помогла: брак случился. Все кончилось, без приобретений для кого-либо, зато с потерями для всех. Я до сих пор гадаю: зачем было начинать? Мама поражения не перенесла, прыгнула с утеса почти сразу, как отец запросил мира. Ужасно, но я скорбела меньше, чем подобало. Мама к тому времени казалась сумасшедшей и чужой, мне не нравилось, что она постоянно уезжает командовать армиями и сечет плетью каждого, кто спрашивает: «Госпожа, когда остановится война?» или кричит на улице: «Нет бойне, нет королеве!» Лину было тяжелее: они с мамой очень любили друг друга. После ее смерти он прибирался на могиле каждые несколько дней.

Но та война принесла мне и хорошее. Одно-единственное. Эвера.

Ему было пятнадцать — на три года больше, чем Лину. Он, обычный ученик военного медика, попал в плен в одной из последних битв. Его выловили из воды, когда потопили корабль, где тот медик находился. Эвер никогда не рассказывал о том дне, ничего, кроме единственной детали: что, даже теряя сознание, очень боялся падать, потому что вода была в трупах. А когда очнулся, наш медик, осматривавший его, уже нашел на левом запястье — где и у всех меченых — маленькую устремленную к локтю стрелу и доложил об этом отцу.

Здесь сошлось все: то, как быстро начали готовить перемирие; то, что Эвер ненадолго забыл свое имя; то, что его оказалось некому спасать. О нем вообще не вспомнили, а если бы вспомнили, вряд ли бы это помогло: отец почти

Часть 1. Правила волшебников

сразу решил его не отдавать. Мама разбила его сердце, теперь он ужасно боялся потерять еще и меня и готов был на что угодно, лишь бы я обзавелась гасителем прямо сейчас. К тому же Эвер — хрупкий, брошенный, спокойный, вежливый — сразу ему понравился. А Эверу, хотя признался он намного позже, понравился мой отец. Не удивительно: *хозяйева*, как правило, нравятся всем, с ними чувствуешь себя нужным и обогретым, даже если они просто тебе улыбаются и спрашивают, который час. К тому же старый физальский медик был вовсе не опекуном, а владельцем Эвера. Плохо с ним обращался, держал как прислугу, делал мерзкие вещи, которых маленькая я не могла даже вообразить. И когда мой отец предложил Эверу отдельные покои, хорошую одежду и возможность все свободное время жить как вздумается, он согласился. К тому же, наверное, ему было обидно: физальцы бросили его. Без владельца, который в той битве погиб, Эвера для них просто не существовало. Как и всех прочих рабов.

Я не ждала его и не так чтобы хотела нашей встречи. Мои силы пока вели себя спокойно. Дважды я предугадала исходы битв, имена военачальников, которые к нам не вернуться, и тех, которые маму предадут. Один раз неосознанно записала список кораблей, которые физальцы к концу войны потопят. Пару раз отпихнула силой мысли слуг, пыгавшихся оторвать меня от мамы, — я все время вцеплялась в нее, когда она собиралась на линию боев и тащила «за зрелищами» бедного перепуганного Лина. Еще были кошмары, но магической ли природы? Не помню. Вроде они походили на более поздние, уже точно магические — вязкие, липкие, полные то тварей, разрывающих меня на части, то огня, в котором я горю живо. Так или иначе, я не мучилась сильно и никому не желала зла, а значит, оставалась в уме. Но отец все равно беспокоился только больше и заражал меня страхом. Слишком часто спрашивал: «Как ты себя чувствуешь, Орфо?» Слишком часто одергивал: «Не смотри на кухарку так пристально, Орфо,

вдруг ты что-то ей сделаешь?» «Что тебе снилось, Орфо?»
И когда мамы не стало, моя судьба была решена.

— Орфо, это Эвер. Он твой гаситель.

В день, когда отец сказал это, я, как обычно, возилась в саду: пыталась пристроить в тенистом уголке у крепостной стены лесные ландыши. Земля там была каменистая, щебенку предстояло сначала расковырять и убрать, потом — все прорыхлить, полить, удобрить и только уже дальше сажать. Этим я и занималась, орудуя то маленькой лопаткой, то — когда теряла терпение — ногтями. Голос отца отозвался мурашками в моей взмокшей спине. Я замерла. Уставилась на потревоженного краснопузого жука-толстяка, бежавшего наутек по земляным руинам. Позавидовала ему.

— Орфо, — снова позвал отец, но я чувствовала: он стоит по-прежнему далеко. Даже он меня побаивался. Второй человек молчал.

Я медленно положила лопатку на траву, поднялась. Постояла так несколько секунд, глубоко дыша через нос, затем быстро обернулась. Отец — моя любимая темная гора — казался особенно огромным и грозным. Из-за существа, которое было рядом.

Оно смотрело на меня внимательно, наверное, так же настороженно, как я на него. Оно было в белом — не наш, не гирийский цвет. У нас любят бежевые, медовые, красные, серые, синие краски. А тут белая туника — нет, рубашка, судя по тому, что вместо шнуровки ряд перламутровых пуговиц, — и свободные штаны, которые у физальцев, кажется, называются швары. Светлые волосы почти как у мамы: не слишком длинные, похожие на прохладное, подсвеченное солнцем облако. Но «существом» я назвала его из-за глаз — бирюзовых, прозрачных и больших. Больше, чем у всех в нашей семье, больше, чем у придворных и слуг. Странно, но в тот момент я подумала: все правильно. Физалия и должна была снова стать отдельной страной, рано или поздно. Там люди с совсем другими глазами. Цвета моря, которое они избрали покро-

Часть 1. Правила волшебников

вителем в древние-древние времена. Как вообще могли они подчиниться таким, как мы, — людям с глазами цвета медной монеты, оливковой древесины, темной ночи? Но так случилось, были мрачные годы, которые этому поспособствовали.

— Привет, — тихо сказал он. У него был еще юный, но глубокий голос и совсем слабый акцент: все согласные звучали чуть мягче, чем на самом деле, будто скруглялись.

Я все стояла, растерянно перебирая грязными пальцами воздух. Этот... Эвер, да?.. был таким белым, а под моими ногтями густо чернела земля. Я поморщилась и отвернулась, неожиданно разозлившись на папу: нашел время! Мог бы велеть причесать меня, и одеть в платье, и все такое...

— Вот видишь, — снова заговорил папа. — Непросто с ней. Злая моя дочура. Вся в мать.

Я вспыхнула: пожалуй, это худшее, что я когда-либо слышала. Захотелось подобрать камень и бросить в этих двоих, но я сделала иначе — опять в упор уставилась на отца и мысленно дернула сразу за оба его пышных уса. Он охнул, схватившись за место между носом и губами. В темных глазах блеснула такая обида, что я сразу устыдилась. Это же папа. И он старается.

— Так ли непросто? — Эвер спросил словно в пустоту, а больше ничего не сказал. Его не развеселила и не разозлила моя выходка, он ее будто не заметил. Это было странно: выглядел он лет на пятнадцать, а держался-то как совсем взрослый. Отец задумчиво на него посмотрел.

— Ты осторожнее. — Он отвел ладонь, за которой, как оказалось, уже зажглась знакомая, любимая мной улыбка. — Но не думай, она у меня очень хорошая, только вот...

— Она здесь, — тихо прервал Эвер. Я растерялась снова: отца не полагалось перебивать. — Не стоит говорить так, будто ее нет.

Это, видимо, было какое-то правило, которого я не знала: отец, смутившись, кивнул. Расправил плечи, пошел мне навстречу, приблизился и приобнял — насколько позволял

его огромный рост. Я сразу успокоилась и прижалась к его теплому боку. От него пахло кожей и маслом, наконец-то — не разогретым металлом. Торакс он перестал носить не так давно, весь год мама заставляла надевать его, боясь покушений со стороны недовольного народа. Хотя недоволен народ был прежде всего ею.

— Пойдем, познакомитесь. — И он повел меня к Эверу. Я шла покорно, только украдкой вытирала грязные руки: одну о свою тунику, другую — об отцовский плащ.

Когда мы поравнялись, Эвер так и не шелохнулся. Он продолжал внимательно меня разглядывать, и я поняла, что еще с ним не так: у него... медленные глаза. Они двигались, но вполтину не так быстро, как у отца, напоминали самоцветы, но в то же время казались чуть зазеленелыми. Еще он был бледным, бледнее нас. В мраморно-нежных мочках ушей блестели серебряные гвоздики, а на шее темнел широкий, розоватый, с багровыми краями след, охватывая ее. Я понимала, что это неправильно, но уставилась на поврежденную кожу во все глаза. Испугалась. Эвер этот взгляд поймал. Спокойно коснулся полоски пальцем, провел влево.

— Я носил ошейник. Но больше не буду. Все обязательно скоро заживет, не переживай.

Наши глаза встретились, и он вдруг улыбнулся, слегка наклоняясь. В его лице правда читалось это — благодарность вместе с пониманием. Я все еще была грязной и красной от злости из-за слов про маму, но мне стало чуть лучше. Я решила улыбнуться в ответ, но кивнула.

— Дай ему руку, Орфо, — попросил отец. Он не вмешивался в разговор. Я с сомнением посмотрела на Эвера, почему-то желая, чтобы он кивнул, и правильно: кивка не последовало, лицо дрогнуло. Там отразился пусть не страх, но какое-то страдание. Отец тоже это заметил. — Хорошо, Эвер. Дай ей руку первым. Она не укусит.

Это тоже стоило ему усилия, но меньшего. Он наклонился еще, и белая худая ладонь замерла в воздухе. Взгляд не отры-

вался от меня. Глазами я спросила: «Можно?» — и теперь он кивнул. Я взялась одной рукой за его кисть, сразу почувствовала приятную прохладу пальцев, а другой несмело подняла рукав рубашки. Понадобилось совсем чуть-чуть. Стрела была там, точно такая, как мне описывали: без пламени на наконечнике, устремленная к локтю. Эвер так же осторожно коснулся моей левой руки и отодвинул ткань. Язычок пламени, охватывающий мою стрелу, мигнул золотым, потом красным и снова почернел. Так же вспыхнула-погасла стрела Эвера. Метки, неразрывно связанные по воле богов, признали друг друга.

— Вот и все, не так страшно, правда? — тихо спросил он, но его пальцы подрагивали в моих. Я еще не понимала, что дело в самом касании. Думала, он волнуется или стесняется. Ведь сама я волновалась и стеснялась очень сильно.

— Угу, — только и получилось сказать, и я не сразу сообразила, что заговорила впервые с их с отцом появления. — Запачкала...

Это я говорила о следах своих грязных пальцев на его белой коже. Он покачал головой, улыбнулся снова и, освободившись, стал отряхиваться. Даже это он делал аккуратно и как-то невесомо. Голову опустил, светлые ресницы прикрыли глаза. На лоб падали волосы. Мамины были, несмотря на внешнюю легкость, жесткими, как щетинка, интересно, какие у него?

— Чувствуешь что-нибудь? — пробормотал отец.

Судя по тому, что Эвер молчал, вопрос предназначался мне. Я помотала головой. Правда не чувствовала, по крайней мере, ничего магического. Может, почувствовала бы, если бы прежде мне было плохо. Но мне не было.

— Ладно. — Он прокашлялся. Я вдруг поняла: ему хочется скорее убраться подальше. Не знаю почему. — Тогда я вас оставляю, мне еще сегодня говорить с вдовами наших гоплитов, а Лину хорошо бы поддержать детишек.

— Я опять буду обедать без вас?! — Все-таки вырвалось, хотя я даже зубами щелкнула в надежде прикусить язык. Поздно. Ляпнула, да еще с обидой.

— Дела, дочура. — Отец снова потрепал меня по плечу. Ладонь была очень горячей. — Сама уже понимаешь, войны кончаются — беды остаются. Зато можешь сегодня пообедать в саду. — Он легонько кивнул на Эвера. — Можете вместе.

Я снова подняла глаза. Эвер слушал молча, со странным лицом, на котором будто бы опять читалось сочувствие. Кого он жалел: меня, отца или себя, вынужденного отныне и навеки сопровождать чужую девочку из вражеской страны? Девочку, которая может в любой момент сойти с ума и убить его.

— Хочешь? — без обиняков спросила я, грозно глянув исподлобья: вдурю поняла, что обижусь, если он откажется.

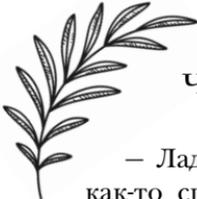
Он кивнул без колебания. И отец, не скрывая облегчения, нас покинул.

Едва он скрылся за большими лохматыми кипарисами, несшими в моем уголке караул, я подступила к Эверу ближе и окинула его новым взглядом. Еще раз рассмотрела белую одежду, и простой кожаный пояс, перетягивающий рубашку, и серебряные сережки, и пальцы — без единого кольца, непривычно для Гирии, где не унизать себя перстнями — все равно что выйти на улицу голым. Мне еще не полагались кольца, но Лин их уже носил. И тем более должен был надеть Эвер.

Я взяла его руку снова и стала придирчиво рассматривать пальцы. Он легонько дернулся.

— Ты не думай, — сказала я ему. — Я еще не сумасшедшая.

Он промолчал, но глаза многое сказали. «Не трогай меня, пожалуйста» — не злое, не презрительное, не снисходительно-взрослое, просто усталое и почти умоляющее. Мне стало неловко, я его отпустила. Снова, кажется, начала краснеть, я ведь чувствовала: что-то не так. Но я была слишком маленькой, чтобы понять, почему лучше правда не дотрагиваться до него лишний раз. Даже отец ведь не дотрагивался, хотя обычно хлопает по плечу или спине всех, кто хоть сколь-нибудь ему нравится. Я списала это на свои грязные руки. И на страх.

Часть 1. Правила волшебников

— Ладно, пойду сажать цветы. — Мне уже тоже хотелось как-то спрятаться. Не дожидаясь ответа, я развернулась, побрела к стене. Снова начала перебирать пальцами воздух.

— Я могу помочь? — тихо донеслось в спину.

Я не стала оглядываться и говорить «нет», только помогала головой. Почему-то точно знала: он не будет навязываться. Знала, что для него не навязываться важно.

— Я должен быть с тобой как можно больше, — все же напомнил он, и это «должен» кольнуло меня.

Глупая. Я же ненадолго забыла, что Эвер моя... обслуга, ну или почти обслуга, не знаю точно, как это назвать, *обслугой* гасителей называла только мама. В общем, Эвер здесь не потому, что я ему нравлюсь. Он здесь по приказу отца. И потому, что иначе я могу сойти с ума, лишиться ног или без всякого предупреждения превратиться в сухую горбатую старушку без глаз.

— Тогда сядь вон там, в тени. — Все так же не оборачиваясь, я махнула грязной рукой в сторону кипарисов. — Солнце высоко.

Я не видела, послушался ли он, шагов тоже было не слышно. Не хотелось проверять. Я вернулась в свой уголок, взяла лопатку и принялась сосредоточенно выковыривать из земли самые крупные камешки. Ужасное место... уродское. Но только здесь садовники не насовали гадких роз, гортензий и гвоздик, обожаемых мамой, а еще тут достаточно тенисто, чтобы ландышам было хорошо. Земля не такая и плохая, если прорыхлить. В другом уголке у меня отлично растут лесная земляника и виолы, хотя впору расти скорее каким-нибудь колючим жителям пустынных долин Игапты.

Я принялась за работу: это помогало меньше думать. И о мертвой маме, и о Лине с отцом, которых я не увижу до вечера, и о том, что теперь у меня есть... обслуга. Обслуга, которая, видимо, будет отвечать за меня. Обслуга, за которую буду отвечать я, потому что нет, нет, нет, я не хочу сходить с ума и кого-то убивать! Эвер вроде славный. Очень даже.

Я буду общаться с ним, как с другими работающими в замке людьми, просто постараюсь держаться подальше. Чтобы в случае, если я начну сходить с ума слишком рано, он успел спрятаться или убежать.

Я ужасно боялась этого — ну, сумасшествия. Правда боялась, спасибо маме и папе. Я успела узнать, что даже гасители не панацея, рано или поздно волшебник все равно увечится и сходит с ума. Хорошо, если в таком порядке: от калеки вреда все-таки меньше. Но не всегда. Брат нашего прадеда, того самого Иникихара, перебил целый пляж, когда лишился рассудка. К тому времени он уже двигался только на четвереньках: спина не разгибалась от дикой боли, хотя ему было лишь двадцать пять или около того. Так случается чаще всего, если дар очень сильный. У брата прадедушки был такой, он даже летал, чего не умеет никто, много веков. Я не была и вполтину так сильна, но все равно иногда становилось жутко. А потом я от страха отмахивалась и уверяла себя, что мне повезет — повезло же моей прабабушке Эгре, жене Иникихара! Хотя как сказать, умерла-то она тоже молодой... И все же. Кому-то везло дожить и до сорока. И чуть больше...

Я все рыла землю, пытаясь сделать ее пригодной для ландшей. Они, склонив белые головки, наблюдали за мной из сгустка тени, где я их укрывала, — каждый был вкопан во влажный кусочек родной лесной земли. Каждый предстояло хорошо посадить.

Эвер тоже на ландыш похож.

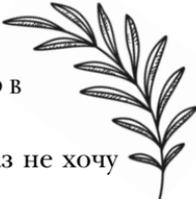
Странная мысль, я не заметила, как захихикала из-за нее. Но правда: у ландшей белые цветки, широкие плотные листья, сама... осанка, или не знаю, как это обозвать, какая-то благородная. И тень. Я почему-то была уверена, что Эвер любит тень, что правильно я его услала туда.

Он все это время молчал. Я вроде чувствовала его взгляд, но боялась повернуться и проверить. Что, если он подумал, подумал да и ушел? Решил побыть со мной в какой-нибудь

Часть 1. Правила волшебников

другой раз? Если я совсем ему не понравилась, раз не хочу разговаривать, если...

— Ты устала, — раздалось над головой. — Сходи лучше к пруду. За мхом.

Я не вздрогнула, я вообще почти никогда не вздрагиваю, — наоборот, замерла с занесенными над разрытой ямой руками. Подняла глаза и увидела Эвера рядом. Он присел на корточки. Забрал мою лопатку. Прищурился, оглядывая землю, а потом решительно копнул ее, с такой силой, что поддел сразу много камней. Они полетели в стороны, в том числе на его штаны. Он и не заметил.

— За мхом? — бездумно переспросила я. Он кивнул.

— Ландыши любят мох. Лучше окружить их им, он будет удерживать воду, если что.

— Если что? — уточнила я. Он улыбнулся.

— Например, если забудешь полить. В лесу почти всегда довольно влажно, ты ведь знаешь.

Я не знала, но не могла сказать. К замковой территории, с противоположной от моря и города стороны, прилегал лес, но туда в основном ходили слуги — за грибами, ягодами, дичью. Меня лес завораживал, я порой просилась с ними и даже тащила на прогулку отца, но все-таки случалось это редко. Я не знала, как, чем лес живет. Всякий раз была уверена, что его сырая, тенистая, зеленая прохлада — чарующая случайность, которую мне повезло застать.

Я кивнула и пошла, ничего не ответив. Но все это время — пока добрела до выложенного камешками водоема, пока нашла место с самыми густыми изумрудными подушками, пока оторвала немного в тех местах, где садовники особо не заметят, — я продолжала думать. Почему все-таки он решил помочь? На его месте я бы радовалась, что меня отослали просто отдохнуть в тень. Разве он не должен бояться приближаться ко мне лишний раз?

Проблема гасителей — их поиска — в том и есть. В отличие от остальных демосов гасители часто скрывают клейма.

Не хотят быть привязанными к чужому человеку: ведь если попадутся, как Эвер, их могут и заставить, особенно если волшебник высокопоставленный, если помощь ему – вопрос безопасности государства. В наших законах даже прописано: «Каждый гаситель обязан исполнять долг». Это не то правило, за нарушение которого накажут боги, но то, за исполнением которого внимательно следят люди. Матери гасителей или повитухи должны сообщать о появлении таких младенцев сразу. Конечно, это не работает: узы на много лет, угроза смерти от руки сумасшедшего – никто не хочет этого для своего ребенка. Гасители прячутся. Содрать кожу с клеймом нельзя; поверх татуировок и шрамов оно тоже проступит. Даже если отрежешь руку, оно появится на другой, а может и на лице. В детстве я не понимала, как это несправедливо, а еще несправедливее, что ни один другой демос не связан такими ограничениями. В детстве я и заподозрить не могла, к чему само наличие «Закона о долге гасителей» приведет меня. Моего брата. Его друзей. И Эвера.

Я вернулась с ладонями, мокрыми от мшистой тяжести. Зеленые подушечки лежали на них и пахли лесом – удивительно, ведь лес был далеко. Эвер уже разрыл, удобрил и даже полил землю, а теперь просто сидел на корточках и внимательно смотрел на меня. Снизу вверх. Странно. Легкий ветер дрожал в его волосах, взгляд казался оживленным – будто Эверу нравилось то, чем он занимался. Он молча кивнул на ландыши: похоже, смирился, что я не слишком-то разговорчивая. Я сложила мох в траву, сходила за саженцами, принесла их и начала расселять в новом жилище. Эвер аккуратно присыпал каждый землей и снова немного поливал. Потом мы уложили вокруг мох. Все это время между нами висела тишина.

Получилось не так чтобы красиво; ландышам не понравилась пересадка. Они понурили головки и листья, я расстроено оглядела их и вздохнула.

– Не переживай, – сказал вдруг Эвер. – На новом месте всегда тяжело. Нужно привыкать.

ЧАСТЬ 1. ПРАВИЛА ВОЛШЕБНИКОВ

Я медленно повернула к нему голову. Поняла, что он все не о цветах.

— Расскажи о себе, — выпалила я, прежде чем прикусила бы язык. Опять, как с папой, запоздало клацнула зубами. Эвер явно это услышал: на секунду приподнял широкие брови-полумесяцы. — Ну... хоть что-то.

— Что, например? — спокойно спросил он, тоже не отводя глаз. Я не могла понять, неприятно ли ему, и потому терялась.

— Ну... ну... — Теперь прикусить язык хотелось из-за глупости. — Почему ты... не убегаешь, например? Или только задумал побег?

Эвер помедлил, не меняясь в лице. Но потом его губы дрогнули так сильно, будто он вот-вот расхохочется; они даже приоткрылись, и мелькнули зубы — ровные, белые, островатые и крупноватые ровно настолько, чтобы оставаться красивыми.

— Так я тебе и сказал! — фыркнул он, и я невольно улыбнулась в ответ. Мы продолжали друг на друга смотреть. — А если серьезно... нет, Орфо. Нет. Мне некуда идти.

Он опустил глаза и стал выравнивать мох. Я смотрела на его губы, нос, светлые ресницы, пытаясь ко всему этому привыкнуть: было пора. Шумно выдохнула. И требовательно спросила:

— Это почему?

Эвер молчал. Но я уже не могла оставить его в покое.

— Ты... ты что, не хочешь домой? — Это плохо укладывалось в моей голове. — И не расстраиваешься, что твой демос раскрыли?

Что ты здесь, что я здесь, что мы брали друг друга за руки и теперь связаны? Но этого я не произнесла. Эвер снова посмотрел на меня, теперь как-то странно — словно бы с удивлением.

— Я не знаю. — Трудно было угадать, к какому из двух вопросов относится ответ. Или к обоим? — Пока не знаю, многого не знаю, но обязательно пойму. Как и ты.

Это было правдой, я тоже запуталась. Я робко кивнула.

— Что касается демоса. — Эвер поднял руку, поправил волосы — убрал падающую на лоб густую копну. Серьги блеснули. — Не все скрывают его. Я и не думал, что буду это делать. Просто в моем даре никто прежде не нуждался.

— Никто? — Я не поверила. Сорвала пучок травы, стала протирать им руки, даже не замечая, что пачкаюсь только сильнее. — Но говорят, в Физалии в последнее время родилось много волшебников и вообще всегда было немало...

— И там достаточно гасителей. — Эвер кивнул. Звучало невероятно: в нашей-то стране гасителя не найти. — Закон о долге у нас отменили несколько лет назад. Физальские гасители сами решают, помогать ли волшебникам. И большинство отвечает «да» на этот вопрос просто из милосердия. И потому что волшебники ценят их.

Я понурилась. Война, которую начала мама, и так казалась мне неправильной. А после такого признания и вовсе выглядела дикой. Физальцы что, цивилизованнее нас?

— Со мной проще, — продолжил Эвер. Тон его изменился, стал холоднее. — Во мне не нуждались. Хозяин воспринимал мое клеймо как... вложение в будущее и надеялся позже перепродать меня подороже. В какой-нибудь другой стране, где в гасителях больше нужды. А до этого я был нужен ему для... — Я подняла глаза. Мне показалось, что он стал бледнее, что немного начал задыхаться, — других вещей. Разной помощи. Вот.

— Хозяин, — повторила я.

Прозвучало вопросительно: слово ассоциировалось у меня только с папиным клеймом. Хороший человек, который умеет всех поддержать шуткой или делом. Любит танцевать на винограде, печь лепешки на пару с главной кухаркой и колоть дрова. Ловко заправляет одеяло в пододеяльник. Может сам отправиться на охоту за «мясным ужином» или наловить рыбы в море и знает, что где лежит, даже если об этом забыли все управляющие и мама.

— Хозяин, — повторил Эвер все тем же неживым голосом. — Да. Но это другое. *Другое*, просто забудь пока, хорошо?

Я не шевелилась. Кивнуть не получалось. Почему-то стало страшно.

— Расскажи мне о себе, — повторила я и прибавила тверже. — Все. Я хочу знать. Ведь мы теперь вместе, правда?

Он опять приоткрыл рот в удивлении. Потом его глаза сверкнули яркой бирюзой. Пальцы, такие же грязно-черные, как у меня, потянулись к шее, но, не тронув ее, опустились. Он явно колебался, но наконец что-то решил.

— С чего бы начать, — вздохнул он. — Пожалуй, с того, что есть на свете рынки, где продаются люди...

ЧУДОВИЩЕ

Телега скрипит, качается, стучит колесами на каждой колдобине — уже болит голова. Но большая бесцветная ящерица с короткими мощными лапичками тащит ее исправно, даже довольно быстро. Слишком быстро, чтобы я могла пожалеть себя, вылезти и трусцой побежать рядом. Но недостаточно быстро, чтобы мерзавец Скорфус не мог вальяжно лететь над нами, уберегая пушистый зад от лишних ударов.

— Мы уже приехали? — иногда монотонно спрашиваю я.

— Не-а.

— А теперь приехали? — интересуюсь, когда делегация дрогфу, провожавшая нас от самого места битвы, наконец откланивается и на прощанье просит оставить ящерицу у входа.

— Нет, человечица, ты же помнишь, сколько мы тащились до обитаемых пещер.

Розоватые жабры ящерицы недоуменно раздуваются. Наверное, даже ей слово «человечица» режет уши. Или что там у нее? Сложный вопрос, я даже не уверена, что она правда

ящерица, а эти веерообразные кожные наросты на ее горле — правда жабры. Жабры вроде... у амфибий?

— Ну теперь-то приехали? — вздыхаю еще через несколько залов, уже совершенно пустых: без сталактитов, без кристаллов, лишь с унылыми обледенелыми водоемами. На стенах и потолке дрожит белесое кружево изморози — примерно такая отделка украшает некоторые королевские наряды. Не люблю кружева. А здесь еще и так погано холодно, что я уже вся в мурашках.

— Орфо, я выцарапаю тебе глаза, — нежно обещает мой кот, сделав над телегой мертвую петлю. Из пасти вылетает густое облачко пара. — Заткнись сейчас же, я что, не устал?

На самом деле мне почти плевать. И я хорошо представляю, сколько нам ехать до места, откуда мы в Подземье попали. Мне просто нужно отвлекаться — на окрестности, на препирательства, на холод, на силуэт Скорфуса, похожий в сумраке скорее на громадную и пьяную летучую мышь, чем на кота. На любые детали. Только бы не смотреть на распростертое существо, которое занимает большую часть телеги. Пока я на ухабах ушибаю только задницу, оно бьется о подгнившие доски всем телом. И судя по гримасам, бьется болезненно.

Его привалили спиной к борту и замотали понадежнее: живую руку больше не видно, как не видно и вторую, железную. Нормально вообще видно только голову. Полуоткрывшиеся, затуманенные от недавнего удушья красные глаза буравят меня, и в них читается одно-единственное слово, то же слово, которое эхом отдается в моем рассудке.

Ты.

Скорфус прав: подвижки определенно начались. Значительные ли?

Я глубоко вздыхаю, прикрываю глаза, обнимаю колени и тычусь в них подбородком. Мне плохо, и вовсе не оттого, что шея по-прежнему болит, и не оттого, что Скорфус, как нередко, злит меня своей бодростью. Я боюсь. Я ужасно боюсь. И даже не могу предположить, что будет дальше: во-пер-

Часть 1. Правила волшебников

вых, не в силах сосредоточиться, а во-вторых, как выяснилось еще в первые минуты чудовищного путешествия, мое волшебство здесь просто не работает.

— Что делать-то будем? — звучит в черноте. Свистит под крылом воздух, Скорфус опять приземляется на мое плечо. Спасибо и на том: хотя бы становится теплее.

— Можешь еще разок вылизать мне шею, — вяло предлагаю я. — Это помогает.

— Не вопрос. — Он издает что-то вроде урчания, но приступить к работе не спешит. — Вот только я не о том, челове-чица. С ним, с ним что?

Не нужно поднимать веки, чтобы угадать, в кого тычет черная когтистая лапа. Поморщившись, я все-таки прошу:

— Не говори так, будто его тут нет.

— Душнила, — фыркает Скорфус и все-таки начинает лизать мою вновь закровоточившую шею. Понял: обсуждать такие вещи мы сейчас не будем.

Правда, что тут обсуждать? Я не знаю, понятия не имею, в душе не представляю, и все, что у меня есть, — обещания и уверения этого кота. Того, что мне нужно от Монстра, не получить, если Скорфус окажется не прав. Я попаду в безвыходную ситуацию и погибну, погибну с огромным позором, разочаровав и вдобавок свергнув в ужас всех. На моем надгробии посадят вместо оливы или апельсина самую вонючую полынь и выбьют что-то вроде:

«Здесь лежит грешная Орфо. Она пыталась. И это был кошмар».

Телегу опять подбрасывает одновременно с тем, как я уда-ряю по ее борту. Боль в кулаке двойная, я шиплю сквозь зубы и выплевываю:

— С-собака...

— Не ругайся, — требует Скорфус и перебирается на вто-рое мое плечо.

Рокоchet тихий утробный смех — и я цепенею, забыв даже вздохнуть. Судя по впившимся в тунику и кожаную накидку

когтям, мне не послышалось. Скорфус тоже замер, тоже напрыгся, и только его мокрый язык продолжает соприкасаться с моей шеей. Потом он шепчет:

— Хороший знак.

И возвращается к вылизыванию.

Медленно, осторожно я открываю глаза и заставляю себя опустить взгляд. Распростертый на дне телеги Монстр по-прежнему смотрит на меня; по краям тряпки, закрывающей его рот, выступила темная, с совсем слабым багровым оттенком жидкость — точно кровь. Глаза немного прояснились, хотя все еще больные. Я не то чтобы чувствую жалость... хотя не без этого.

— Орфо, — тихо говорит Скорфус, слетев с меня. Мы поднимаем головы почти одновременно. — Сталактитов больше нет. И вряд ли уже пещера осыплется. Мы почти приехали.

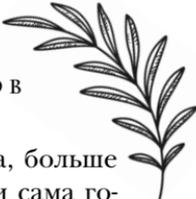
С этими словами он перебирается на спину ящерицы — аккуратно, чтобы не задеть ее тонкую, лишенную чешуи кожу когтями. Самоустраивается, паршивец, но я не могу его винить. То, что Скорфус вообще взялся помогать мне, то, что поверил словам «Слушай, да, все плохо, но без этой твари мне правда конец» — уже большая щедрость с его стороны. Важная. Ведь когда он только появился, я была уверена: им руководит чистый расчет. Примерно такой же, как и у любого бродячего животного, пусть даже и полубожественного происхождения.

Я смотрю на Монстра снова, плавно подаюсь ближе — и, глубоко вздохнув, резким движением сдираю повязку с его рта. Да, мое волшебство не работает в Подземье, но оно превратилось в физическую силу, какой в Гирии у меня нет. Думаю, только это спасло меня от десятка переломов, пока я дралась и считала спиной стены. И позволило ломать огромные сталактиты, как тоненькие соляные сосульки. Вот и теперь ткань просто трещит в моей руке, не приходится даже развязывать узел у Монстра на затылке.

— Дыши, — щедро разрешаю я, хотя сама понимаю: глупость.

Часть 1. Правила волшебников

Он и так дышал носом, точнее, остатками носа, больше похожими на провал в черепе. На череп похожа и сама голова – бугристая, полулысая, ну разве что на ней многовато кожи и из затылка тянутся по спине несколько жидких длинных прядей волос неопределенного оттенка. В этих волосах ползают красноватые черви. Боги... надеюсь, вылезают они не из ушей или мозгов.

Стаскивая повязку, я ждала рыка, к которому уже почти привыкла, но рыка не было. И нет. Монстр действительно вдыхает, сипло, жадно, булькающе. Дергает подбородком, пытаюсь вытереть идущую изо рта кровь о веревки, а когда не получается, просто свешивает голову влево-вниз. Он смотрит все так же злобно, угрюмо, исподлобья, будто молча спрашивая: «Ну что, довольна?». Я облизываю губы, он делает то же – язык черный, раздвоенный. Я поднимаю брови. Поднимает брови... или надбровные дуги... и он. Дразнит меня. О боги. Да, это определено они. *Подвижки.*

– Перестань, – тихо, тише, чем хотела, требую я, и он хмыкает, выдохнув облачко пара. – Хочешь поговорить?

Молчание, упрямое молчание, а потом веки медленно смыкаются. Не хочет. Не хочет, несмотря на развязанный рот. Могу понять, я бы тоже не стала, да и, если честно, рот вообще не имеет тут значения. Ведь пока мы дрались, Монстр говорил со мной через мой же рассудок.

Попалась. Слабая. Ты пропала.

Я слышала его смутно, наверное, вполовину не так хорошо, как несчастные жертвы, которых он заманивал в темные катакомбы. Волшебство дает мне защиту от таких вещей, да к тому же я не из Подземья, и, возможно, ему чуть сложнее найти бреши в людских умах. Хотя дрогфу говорили мне, что находили у подземных озер и человечьи трупы. Чудовищно изуродованные. С сожранными внутренностями и лицами. Значит, как-то люди сюда проваливались, не знаю, правда, *наши* или жители какого-то другого мира. Говорят, их – миров – много, просто ходить между ними – удел богов. Ну

а Скорфус считает, будто Подземье, с его темнотой, странными жителями и бесконечной протяженностью, — что-то вроде огромной межмировой кишки, из которой можно выбраться куда угодно, не обязательно в наш мир Тысячи Правил. Может, в чудесный край, где летают и не взрослеют дети; может, туда, где люди произошли не от обезьян, а от кошек и свиней; а может, туда, где они изобрели себе железных друзей с сердцами из угля. Именно поэтому Скорфус так переживает и тащит нас через кучу пещер. Он очень боится, что мы выйдем куда-то не туда, он далеко не опытный проводник.

— Ты помнишь, кто ты? Помнишь, за что наказан? — спрашиваю я. Тихо. Почему-то не хочу, чтобы Скорфус меня слышал.

Монстр снова издает странный звук — смешок или хмыканье. Глаз не открывает, только слабо дергается. В моем рассудке тишина, но и эта тишина кажется презрительной, горькой, злой. Конечно же, у Монстра тоже есть вопросы к слову «наказан».

— А меня ты помнишь? — звучит глуше, тусклее, почти жалобно. Ненавижу себя.

Вообще не понимаю, зачем мне это все сейчас. Уверена, Скорфус прав: нужен другой воздух. Точнее, если хоть что-то и поможет в той заднице, где я нахожусь, то лишь другой воздух. Продолжать разговор сейчас — только шатать свою выдержку. Бессмысленно.

— Помнишь? — все равно повторяю я. Слишком громко: уши Скорфуса дергаются, хоть он и не оглядывается.

Я... очень... устал.

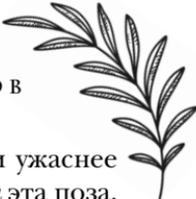
Это в моей голове, хрипло, прерывисто. У Монстра опять даже не получается приоткрыть глаза. Может, я его передумала. Может, тот самый воздух уже становится другим и не нравится ему. Мало ли что с ним случилось, разберемся чуть позже. Если доедем.

— Я тебя поняла.

Часть 1. Правила волшебников

Он лежит все так же, чуть склонив голову, — и ужаснее всего то, насколько гордая, уязвленная, *человеческая* эта поза. Он напрягает шею, чтобы голова не просто свешивалась, как у дохлой птицы; чтобы не моталась, когда подпрыгивает телега. Это стоит ему усилий. Он их зачем-то прилагает, хотя его веки похожи на лоскуты, местами в прогалах подгнившей челюсти виднеются зубы, а в волосах, больше похожих на хвосты, ползают черви.

Я закрываю глаза: на них опять выступают слезы.

Прости меня.

Но это то, что я скажу не сейчас.

ПРИНЦЕССА

Лин знал правду об Эвере и без меня, но Лину было не до того.

Отец, правда, все время таскал его с собой и все напористее приучал к королевским делам — в этом он мало отличался от мамы. Ну, разве что не надевал платье цвета войны — алое — и не водил моего брата по полю боя, показывая, скольких врагов и насколько зверски убила наша доблестная армия. С отцом было проще: он хотел, чтобы Лин научился разбираться в доходах и расходах, разговаривать с разными людьми, поддерживать, вдохновлять, командовать. В общем, делать, что положено королю. И Лин уже не так плохо к этому относился, как раньше: это помогало ему отвлекаться.

Он тосковал без мамы, я знала. Ему было плохо, а еще он очень хотел быть ее достойным. Войну он не понимал, как и многие в королевстве, как я, как отец. Но в отличие от нас двоих Лин, видно, чувствовал теперь вину за это. Может, говорил порой он, нам нужно было больше быть с ней. Чаше возносить богам хвалу за сохраненные жизни. Делать так, чтобы мама регулярно видела физальцев — обычных, мирных, добродушных, а не тех, кто жил в ее воображении, не чудовищ, ки-

давших младенцев свиньям. В ней самой ведь текла физальская кровь: прабабушка Эагра была коренной физалийкой. И вообще физальцы — судя хотя бы по Эверу — не представляли собой ничего дикого, нечеловеческого. Они злились на нас, но не мстили, у них там ходили свои слухи — что это нашу, нашу королеву околдовали, а вот король, ни дня не проведший без попыток найти консенсус и не дававший бросить в бой свою часть войск, у нас вполне добрый. Мы уже не узнаем, могло ли такое быть. Лично мне с годами все меньше кажется, что ко *всем* важным вещам в мире причастны боги, волшебники, фамильяры. Нет. Многое делают люди. Мама хотела вернуть провинцию, веря: Иникихар зря дал физальцам независимость. А когда не получилось, она умерла. Это был ее выбор. Раскаивалась ли она? Вряд ли. С утеса она прыгнула в красном, и я видела ее глаза в тот самый день. Убегая из замка, она оттолкнула с пути многих. В том числе и меня.

Я не умела, так и не научилась проникать ни в чей разум, но откуда-то знала про две картинки у Лина в голове: на одной — мама в красном платье ведет его по усеянному трупами полю, а на другой — в том же платье закалывает себя и кидается в море. Они, эти картинки, очень меня пугали, но стоило заикнуться о них, как Лин мрачнел, закрывался, переводил разговор или звал слуг, при которых обсуждать подобное не стоило. Он отдалялся от меня. Он, похоже, про себя решил: если прежней семьи со счастливыми родителями у него нет, то нужно строить что-то новое. Новое по-настоящему. Меня он с этой стройки не изгнал, но относиться стал иначе.

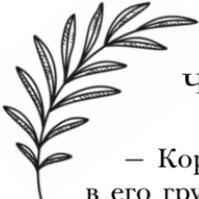
«Я справлюсь, Орфо».

«Со мной все в порядке, Орфо, займись собой».

«Иди поиграй в саду, Орфо».

Однажды, когда мне это совсем надоело, я не ушла, а наоборот — взяла его за руку, сжала пальцы. Мне было уже девять, в тот год я неожиданно быстро стала расти в высоту, и ни Лину, ни Эверу больше не приходилось так уж сильно наклоняться, чтобы поболтать со мной на равных.

Часть 1. Правила волшебников

— Король и его волшебница, — произнесла я, смотря в его грустные глаза. — На веки вечные. — Он промолчал, и мое сердце упало. — Нет? Ты передумал?

Ладонь он не выдернул, но в глазах не появилось ни одной искорки из тех, которые я так любила до войны. Зато там появились слезы. Страшные. Ведь он сроду не плакал.

— Когда-нибудь. — Все, что он сказал, и моя рука упала сама. Лин развернулся и пошел на балкон. Он все еще любил там прятаться. Я ему компанию больше не составляла.

Эвер не знал всего этого — я не думала жаловаться, впрочем, и не понимала на что. «Мой брат больше меня не любит»? Неправда. «Я хочу, чтобы все было как до войны»? Невозможно. «Давай сделаем что-нибудь, чтобы Лин повеселел»? Глупо. Лин не стремился в нашу скромную компанию, и даже не из-за дел или тоски по маме. Просто я была для него слишком маленькой, а Эвер — слишком большим. Вдобавок он, наверное, напоминал о людях, оказавшихся сильнее мамы и сломавших ее... гордость? Дух? Заклятие над ней? Не знаю. Нет, такого, чтобы Лину не нравился Эвер, не было. Но Лин явно не видел, какой Эвер замечательный.

Ландыши прижились и начали разрастаться. Я старательно поливала их, Эвер иногда помогал с прополкой, хотя чаще делал то, что я ему велела: сидел в тени и наблюдал. Он нравился мне белым и чистым, без зеленых и черных пятен на шварах, без грязных рук. Я обожала его рассказы о кораблях, на которых ему случалось путешествовать, о болезнях, о лекарствах. Единственное, о чем Эвер никогда не говорил, — его... медик. Медик, только медик, я не звала того человека «хозяин», «хозяином» для меня оставался папа. Так или иначе, с Эвером было очень, очень интересно болтать. А вот со мной, наверное, нет, потому что с моего языка не сходило имя Лина.

— Так ты хочешь стать его придворной волшебницей, — сказал однажды Эвер задумчиво и печально. Как и всегда, я не могла до конца понять, что читается в его глазах.

— Быть ничьей волшебницей мне было бы грустно, — призналась я. Мы ужинали в саду, как уже почти всегда. Без Лина и без отца.

— Ты не осталась бы ничьей. — Он взял лепешку, намазал козым сыром и медом, передал мне. Ему не полагалось меня обслуживать, вместе мы только гуляли и делали уроки, но он и не воспринимал это так. Подобные мелочи он шутливо звал «ухаживаньем», Лин и отец — тоже. — Ты слишком замечательная.

Я широко заулыбалась, сама себя испугавшись: до его появления, в военный год, улыбки я почти забыла. Теперь они возвращались, становились все более спонтанными и, как мне казалось, глупыми. Стараясь это скрыть, я откусила кусок побольше. Эвер продолжал за мной наблюдать. Он не смотрел нежно, как иногда папа; не смотрел с гордым видом «Это моя сестра», как иногда Лин, но этот взгляд нравился мне, нравился с первой встречи. В нем читалось что-то очень простое, и именно этого мне не хватало. «С тобой интересно. Ты важна».

— Спасибо, — сказала я с набитым ртом, и он засмеялся. Не знаю почему, но именно в ту секунду я посмотрела на его шею, хотя давно пообещала себе этого не делать. Уродливый след поджил, стал намного светлее. — Ты... ну, тоже замечательный.

— Приятно слышать. — Он кивнул с шутливым достоинством, и мы замолчали.

— Тебе кажется... — снова осторожно заговорила я через какое-то время, — что придворной волшебницей мне становиться не нужно?

Про себя я уже знала, что если он кивнет, то я всплую и заявлю: «Ты не прав». Но он только миролюбиво посмотрел на меня поверх кубка, потер веки и ответил:

— Я не могу об этом судить. Я не знаю, что для тебя лучше. Мне просто не нравится слово «придворный». Оно обязывает.

Часть 1. Правила волшебников

В его глазах снова было то, что удивило меня в давний день в саду: они немного застыли, двигались медленно, то и дело останавливались. Я задумалась. Я ведь понимала, что стоит за всем этим. Эвер был рабом. Наверное, для него оказаться *при* ком-то — пусть при короле — тоже рабство. В который раз с момента, как он появился, я стиснула зубы, по спине пробежал холод. Я подумала: считает ли он себя моим рабом? Сама я быстро, очень быстро выбросила из мыслей слово «обслуга» по отношению к нему. Эвер был моим... нет, не другом, наверное, я не доросла с ним дружить. И не няней. И не совсем учителем, хотя скоро ему предстояло начать учить меня драться. Пока он учился сам, старательно, у лучших гоплитов и целеров¹ отца. У самого кира Илфокиона — нашего целериона², который достался папе от мамы и стал во всем его слушаться. Сделать хорошего убийцу из гасителя — значит сделать хорошего убийцу из гасителя. Я прекрасно понимала, зачем и почему.

— Да, — сказала я. Приподняла подбородок со всей возможной гордостью, улыбнулась. — Да, вот так. Буду его рабыней в каком-то смысле, может, и так. Но он мой брат, и для него мне этого не жаль.

Эвер, поднесший было кубок к губам, замер. Бирюзовый взгляд мерцнул поверх чеканного серебра, и я страшно испугалась. Вдруг он оскорбился? Вдруг в словах ему почудилось что-нибудь вроде «Буду рабыней, такой же, как ты»? За все время вместе я вроде ни разу еще не обидела его, не задела, не сделала ничего лишнего. Но по-прежнему такого боялась.

— Орфо, — тихо позвал он. Кубок медленно, со стуком встал на стол. Я оберла. — Орфо... порой мне завидно, что ты не моя сестра. Понимать и принимать правду о том, что

¹ Целеры — название личной стражи правителя в Древнем Риме.

² Целерион — начальник королевской охраны.

всякая любовь есть в той или иной мере рабство, — большое мужество. У меня, например, его нет.

Он улыбнулся, и я, выдохнув, улыбнулась в ответ. Схватила уже, кажется, третью лепешку, начала жевать, ничем не помазав, — так волновалась. Эвер все глядел на меня; я спохватилась, что он сегодня почти ничего не ест, и подвинула к нему ближе блюдо с желтой малиной и виноградом. В том году они не уродились, и того и другого было мало, и почти все за ужином доставались мне. Но Эвер их тоже любил. А я знала, что ягоды хорошо едятся, даже когда аппетита совсем нет.

— Мне очень грустно, — призналась я, когда он скромно отщипнул гроздь винограда. — Лин стал дальше. Я понимаю, он будет королем и ему нужно многое понять и выучить, но все-таки...

— Но все-таки это неправильно, особенно если вы действительно хотите в будущем что-то делать вместе, — закончил он мысль.

— И грустно, — упрямо повторила я, хотя его слова были логичнее.

— Отец вообще знает, что вы это решили? — Эвер сложил пальцы домиком, подался чуть-чуть вперед. Виноград так и лежал на краю его тарелки.

— Я... — Я задумалась. — Ну, наверное, нет. Я не говорила. Маме бы не понравилось.

— А принц Лин?

А он сказал мне: «Когда-нибудь». В глазах защипало, и пришлось скорее опустить голову, мотнуть ею так, чтобы темные пряди хоть немного занавесили лицо. Я старательно отращивала их, как раз для такого.

— Понятно. — Эвер не стал дожидаться ответа. За волосами я видела только его руки. — Подумайте об этом. Может, так что-то станет проще.

— Он не... — начала я, имея в виду угрюмую отстраненность брата, но тут же вскинулась: почувствовала, что Эвер опять слегка улыбается.

Часть 1. Правила волшебников

— Советы королям дают волшебники. Ты сама так говорила.

Я поняла, что он имеет в виду, в тот же день. Впервые за долгое время мне повезло: папа позвал нас с Лином провести вечер в экседре¹. Ему вспомнилась вдруг петтейя — игра на мраморной клетчатой доске, где нужно двигать свои фигуры и «есть» фигуры противника. Кто первым займет чужие клетки и сохранит при этом больше фигур, тот и выиграл. Пока была жива мама, мы играли по парам, а потом из каждой пары сражались победители. Теперь нас осталось трое, и пусть мне очень хотелось пригласить Эвера — он тоже умел играть, — я не решилась. Так что мы сделали иначе: Лин играл с папой, а я болела то за одного, то за другого. Играли мы с братом, а папа болел. И наконец он сразился со мной. Победитель определялся по скорости и эффективности ходов.

Где-то в середине последнего поединка я и сделала то, что мы с Эвером задумали: спросила папу, что он думает о придворных волшебниках. Помрачнев, он тут же начал сыпать вопросами, зачем я такое спрашиваю, — и я с деланой неохотой призналась: «Хочу быть придворной волшебницей Лина, вот». В ту минуту я посмотрела брату, сидящему сбоку, в глаза. Он молчал и рассеянно улыбался. Он вообще был задумчивым, оба своих сражения проиграл.

— Это правда? — Отец тоже обратился к нему.

К моей радости, Лин кивнул. Не было никакого «когда-нибудь».

— Я... — Папа сосредоточенно уставился на доску. Наконец конник — фигура, ходящая углом, — двинулась в атаку на моего императора. — Я подумаю над этим, это... занятно. Но если так, я многое делаю неправильно насчет вашего воспитания.

— Что? — сонно спросил Лин, хлопнув черными как уголь ресницами. Было ощущение, будто он вообще, пока папа буб-

¹ Экседра — гостиная.

нил, отвлекся, задремал. Это сердило: разве ему не важно, что мы на это вышли? Почему он не помогает мне?

Папа почти повторил слова Эвера:

— Если вы правда собираетесь в будущем что-то решать вместе, вам нужно побольше видеться. А все так поменялось без Валато... — Взгляд его потускнел. Я взяла своего легата и пустила в лобовую атаку на его копыеносца. — Ого, дочура... хороший ход.

— Я бы и рада больше видеться! — призналась я. Копыеносец завалился на бок.

— Я тоже, — встрепенулся Лин, но меня не оставляло ощущение, что он опять нас не слушал, опять проваливался в сон.

— Я... — повторил папа, подцепляя поверженную фигуру пальцами и убирая с доски. Он, в отличие от Лина, не спал, просто очень глубоко думал. — Понимаешь, Орфо, э-э, есть препятствия, которые меня беспокоят и с которыми надо бы что-то сделать.

Я сглотнула, снова покосилась на Лина в поисках поддержки. Тот, откинувшись в кресле, сидел с сомкнутыми веками и барабанил пальцами по подлокотникам. На тонком усталом лице его не читалось ни тени энтузиазма. Под глазами лежали глубокие тени. Таким изможденным я помнила его только в год войны — когда он раз за разом мог лишь гадать, заберет ли его с собой мама.

— Препятствие к... тому, чтобы я стала придворной волшебницей? — с запинкой пробормотала я, но папа сразу помотал головой.

— Нет, нет. — Голос зазвучал почти заискивающе, и продолжил он быстро, точно желая скорее проскочить самое неприятное: — К тому, чтобы вы снова общались... сейчас.

Я уставилась на него во все глаза, но Лин так и не реагировал. «Когда-нибудь, — издевательски пронеслось в моем мозгу. — Когда-нибудь». Неужели ему совсем все равно? Захотелось лягнуть его, да посильнее. Или шлепнуть по щеке.

Часть 1. Правила волшебников

— И какое же? — спросила я как можно ровнее, проследила за тем, как чужой легат вплотную приблизился к моему императору, и отвела его. В ход пошла императрица. Легат пал.

— Твоя сила, малыш, — вдруг раздалось рядом. Лин опередил отца, а вот позы так и не изменил. Сидел, стучал по подлокотникам, жмурился. Губы кривились в малознакомой желчной улыбке. — Отец боится, что прямо сейчас ты можешь случайно убить меня, потому что она все еще очень непредсказуема. Отец вообще боится теперь всего на свете, после того как...

С чего он вдруг проснулся? И с чего... начал злиться или вроде того?

— Лин, — оборвал папа. Его нависшее над доской лицо слегка побагровело, но глаза на брата он даже не перевел. — На что ты намекаешь, Лин? Не выдумывай!

Я молчала. Теперь я остолбенела и только хлопала ресницами. Они... они что?..

— Это чушь. — Брат все же открыл глаза, но смотрел он не на отца и не на меня, а куда-то между нами. Губы теперь тряслись. — Чушь, и очень похоже, что теперь ты вообще относишься с опаской ко всем в мире женщинам. Может, ты ругаешь в мыслях и Гестет? А как насчет нашей доблестной прабабки, которая...

— Да что ты несешь, сынок? — Отец ударил кулаком по столу. — Перестань, а ну!

Фигуры подскочили, но я сосредоточилась и удержала их в равновесии взглядом. Такие фокусы я уже потихоньку осваивала, они никому еще не причинили вреда. И отец, и брат синхронно замерли, наблюдая, как императоры, и императрицы, и конники, и пехотинцы левитируют. Как плавно опускаются на места и замирают.

— Все это правда? — У меня по-прежнему получалось говорить ровно. Не знаю почему, но я не вопила, не плакала, у меня и мысли не возникло кого-нибудь из этих двоих убить. Может, потому, что и я по-прежнему опасалась своего дара. И не могла ручаться за себя. Во мне кипела обида, но голос

разума легонько дул на нее, напоминая: «Зато если вдруг папа окажется прав, ты очень пожалеешь». — Все еще правда?..

— Орфо... — начал отец под внезапный злорадный смешок Лина. Я покачала головой.

— Просто скажи, правда или нет. Я же так стараюсь! И я никого, ничем еще...

— Я... — Отец был уже совсем красным. И вместо злости я почувствовала жалость, не только к себе, но и к нему. — Пойми, Орфо, все эти слухи, которыми оправдывала войну твоя мать, и все другие слухи о ней самой...

— Она даже не была волшебницей, — отрезала я. Фигуры перед глазами все же поплыли. Пришлось моргнуть.

— Но ее двоюродный дед, твой прадед, тот самый, который...

— Не упоминай! — Лин дернулся.

— Ей ничего от него не досталось. В смысле дара, он не наследуется, — напомнила я. — А еще Лин прав, была ведь прабабушка Эагра, которая как раз...

Папа только вздохнул, а при упоминании прабабушки скорбно сдвинул брови. Предостерегающе поднял ладонь, как бы осаживая: «Это другое».

— Да, Валато не досталось дара. Зато безумие достаться могло. С ним все сложнее.

— Тогда сойти с ума может и Лин! — здраво напомнила я.

— Или уже сошел! — Брат вдруг высунул язык, искривил плечи так, чтобы одно оказалось выше другого, и закатил глаза под лоб. Заерзал, заболтал ногами в воздухе. — Что, не видно? Я безумец, безумец, безумец!

Это было совсем не смешно, скорее омерзительно: будто моего обычно серьезного и спокойного брата подменил какой-то уродливый безмозглый зверек. Может, он просто нервничал из-за всех этих повышенных тонов, может, надеялся так нас отвлечь и помирить? Я не понимала. Отец явно тоже: он хрустнул кулаками, схватился за голову и отчаянно выпалил:

— Да что сегодня с вами... поросята!

Часть 1. Правила волшебников

Я могла сказать то же про них двоих. Но вместо этого я произнесла:

— Не думаю, что мамино поведение было связано с чем-то таким. А если ты боишься, что я наврежу Лину, так пусть за нами кто-то присматривает, когда мы вместе. Я же не против.

Это предложение опять что-то сделало с братом: он разом перестал кривляться и помрачнел. Его глаза сузились. Кажется, он никогда прежде так на меня не смотрел: будто на предателя? Он даже взвыл — тихо, не разжимая зубов.

— Кто, например? — прозвучало почти со злостью. — Какие-нибудь твои няньки?

Я спохватилась: все-таки он уже почти вырос. Наверное, ему неприятна была мысль о любом присмотре, но я слишком хотела вернуть брата себе, чтобы пещься о таких вещах. Подумаешь, прислуга. В нашем замке все очень хорошие, добрые, и никто не станет лезть почем зря. Тем более... о чем он? Это ведь для его же безопасности! Как ни обидно звучали слова папы, совсем отрицать их я не могла. Путь прадедушки, путь прабабушки... оба были возможны.

— Да хотя бы кто-то из целеров, — примирительно предложила я. — Все равно вместе мы бываем не так много.

Меня устроил бы даже кир Илфокион с его цепкими глазами, рокошущим голосом и привычкой поливаться благовониями. А ведь я терпеть его не могла за то, что вечно посылал кого-то шпионить за мной и Эвером, надеясь нас на чем-нибудь поймать и сделать приятное отцу. Он хотя бы был бдительным, верным и храбрым. Все это он доказал, когда мама выбрала умереть и сбежала из замка. Лина, ничего не понимающего, она тогда потащила с собой, и кир Илфокион забрал его уже у скал, хотя ее остановить не сумел. Я не сомневалась: мы делим похожие кошмары о том страшном вечере. Мне ведь досталось от мамы тоже. Я почувствовала, *чего* она хочет, и попыталась задержать их с братом на главной лестнице, но меня сбросили со ступеней и опалили взглядом, полным такой ненависти, что, может, я лишилась

чувств не от боли, а из-за него. Очнулась я, только когда мама была уже мертва, а кир Илфокион за руку вел Лина домой.

— Я не хочу! — отрезал Лин, которому, конечно, тоже доставалась излишняя целерская опека.

Но я не успокаивалась.

— А ты сам? — Я заглянула отцу в глаза. — Я и тебя с удовольствием бы видела почаще. Может, сделаем снова какие-то семейные...

— Не получится, — вздохнул он. Его усы висели как-то уныло. — Я бы и хотел, но даже сегодняшний вечер для меня самого большой подарок. Отменилась встреча с Мористеосом Монусом, ну, патрицием границ. У него вроде несварение от плохой клубники...

Брат прыснул. Я в который раз удивилась: его никогда не смешили туалетные разговоры, тем более кира Мористеоса с его добрым взглядом, щедрыми подарками в виде сладостей и звенящими колечками в бороде мы обожали. Стоило посочувствовать ему, а не веселиться.

— Я не хочу, чтобы за мной и сестрой кто-либо шпионил, — заявил наконец Лин. Он говорил так запальчиво, будто его загоняют в угол и нужно сражаться насмерть. — Я и так вижу слуг достаточно часто, и я не хочу, чтобы они, например, стояли над нами! Они начнут потом на нас жаловаться и передавать тебе наши секреты. — Он поморщился и продолжил с явной неохотой: — И потом, кто из них что сделает, если вдруг Орфо правда...

Если вдруг Орфо правда...

Он не продолжил, но меня прошиб гадкий озноб. Я сделала то же, что за ужином: занавесилась волосами, чтобы никто ничего не заметил, и до хруста сжала кулаки на коленях.

...захочет убить меня. То самое, чего боялся папа. Я. Многие, даже слуги, не разбиравшиеся в волшебстве. Но именно понимание, что Лин, мой Лин, тоже этого боится, боится и допускает, пусть краешком сердца, ощущалось как горькое предательство. Я чуть не плакала. Я боялась, что не сдержусь.

Часть 1. Правила волшебников

Стоило просто вскочить и убежать, запереться в комнате, где есть окно, и, высунувшись из него, посшибать дюжину апельсинов с садовых деревьев. Это всегда меня успокаивало, тем более на апельсины год выдался урожайный. Но я сидела и молила себя потерпеть. Глубоко дышала, понимая: слезы вот-вот побегут по лицу. Как унижительно. Как глупо. Я сама знаю о себе правду, я должна понимать, я должна мириться и...

— Эвер, — сказал папа. Повисла тишина.

— Что Эвер? — мрачно спросил Лин. Украдкой глянув на него, я опять заметила нервный блеск глаз. Еще и пятна какие-то на щеках выступили...

— Если не хочешь слуг и целеров, но хочешь придворную волшебницу, которая, возможно, уберезет твой разум вместе со своим, — я скорее начала убирать волосы за уши, чтобы все видеть, — пусть за ней и за тобой заодно присматривает гаситель. Тем более, как я знаю, он делает отличные успехи в бою, пусть техника и... неклассическая. Вот.

Отец переводил взгляд с Лина на меня, ожидая возражений, но мы молчали. Я старалась скрыть радость и облегчение: идеально, просто идеально, это же предел моих мечтаний! Лин же явно растерялся: только хватал ртом воздух. Удивленно. Будто не веря ушам.

— Физалец... — выдохнул он наконец полувопросительно.

— Физалии он больше не принадлежит, — отрезал отец, и слово «принадлежит» резануло меня. Отец вряд ли считал Эвера рабом, но все-таки. — А еще он умная голова. Читает много. Много путешествовал со своим предыдущим... нанимателем, даже более-менее разбирается в политике. Ты зря не дружишь с ним, мальчик замечательный.

— Я... — Теперь Лин не мог подобрать слов. Опустил голову, начал тереть веки. — О боги, папа...

— Да что? — не понимал тот.

— Я обожаю свою сестричку, но почему в довесок к ней должен идти этот белокрысый мертвый груз? — Лин даже глаза опять закатил.

— Не говори обо мне так, будто меня тут нет, — огрызнулась я. Мне не нравился сам тон, не нравились скользкие словечки: ходульное «наниматель», презрительное «белобрысый»... Моего Эвера вдруг захотелось оградить от всего этого. И никому не отдавать, ни брату, ни отцу.

Папа неожиданно поддержал меня — засмеялся и поправил:

— Живой. Более чем живой. И уверен, ты не пожалеешь.

— Правда-правда, — уверила я и, подавшись вбок, ухватила Лина за руку. Пальцы были вялыми, потными и холодными, странно, пугающе холодными, но я заставила себя об этом не думать, потому что они все же легонько сжались в ответ. — Эвер хороший, и он вечно боится кому-то помешать, так что с ним не будет проблем, ты...

— Король и его волшебница, — тихо и грустно оборвал меня Лин. Он снова прикрыл глаза, немного откинул голову. — На веки вечные. Речи ни о ком третьем не было.

— Но истории меняются с течением времени, — отозвался отец. Он снова сосредоточился на игре. — Особенно если там есть правила. А правила есть почти везде.

Оба они были правы. Одну сторону принять бы не получилось, даже если бы я хотела. Ведь в действительности история придворного волшебника Мариона отличалась от моей как минимум одной важной деталью.

Король Арктус родился с клеймом гасителя.

А мне предстояло однажды потерять и своего гасителя, и своего короля.

ЧУДОВИЩЕ

Аве мои нелюбимые легенды — о том, как в мире Тысячи Правил родились первые волшебники и гасители. Они напоминают о том, что правила богов берутся не с потолка. Они появляются по одной простой причине: люди не могут соблюдать свои.

Часть 1. Правила волшебников

Наши древние предки жили в холодных пещерах, ели сырое мясо и много болели оттого, что любящие промозглость паразиты селились в их внутренностях. Наши древние предки страшно боялись огромного мира вокруг, не умели ни исцелять раны, ни создавать красивое, ни даже нормально драться. Наши предки были ничтожествами, которые, возможно, вообще не понимали, зачем появились на свет такими несовершенными — голокожими, двуногими, нелетучими, бесхвостыми подобиями обезьян. Им оставалось только выживать.

Однажды вожди нескольких племен узнали о необычном месте — Святой Горе. Прячась поблизости, подглядели, как оттуда спускаются красивые животные и... красивые, очень красивые люди. Огромного роста, с ухоженными руками и волосами. Одеты не в засаленные шкуры, а в яркие узорчатые ткани, украшенные самоцветами, золотом, раковинами, венками. У тех людей были зычные голоса, лики сияли, глаза наполнились жизнью. Те люди на самом деле не были людьми — даже вожди это поняли и не посмели нападать. Но поняли они и кое-что еще: если чем-нибудь поживиться у этих красивых существ в доме — там, на Горе, — возможно, удастся сделать собственные народы чуть счастливее.

Вожди рискнули и в одну ночь полезли на Святую Гору, к ее серебристой мерцающей вершине. Они нашли там все, что и можно себе представить, — дворцы из мрамора и стекла, сады, полные фруктов, пруды, кишашие рыбой. На Горе было так красиво, что вожди испугались, почувствовали себя совсем жалкими. Они не посмели — благоговение помешало — забрать ничего, кроме одного-единственного колчана со стрелами. Только колчан, без лука, ведь что такое лук, они не знали. Но и этого оказалось достаточно. Коснувшись одной стрелой стопки сухой травы, люди получили огонь. Приложив другую к гноящейся ране ребенка, излечили ее. Воткнув в землю третью, вырастили оливковое дерево. Стрелы очень помогли людям, но, совершив одно-два чуда, каждая рассыпа-

лась. Вскоре волшебство кончилось. И вожди решили повторить свою дерзость.

Они отправились на Гору снова, но в этот раз их ждали. В сверкающем дворце Зируса, верховного бога с крокодильим взором, их поймали стражи-атланты и бросили в ноги господину. Вожди стали молить о пощаде. Зирус спросил: «Что же толкнуло вас воровать у меня?», и тогда самый смелый, самый бесхитростный из пленников сказал просто: «Мы плохо живем. А вы — хорошо. Это несправедливо». Казалось, за такое Зирус должен был убить несчастных, но ответ неожиданно ему понравился. Поговорив с вождями еще немного, он промолвил: «Я понял», отпустил их и глубоко-глубоко задумался. Зирус прежде не знал такого слова — «справедливость». Никто из богов не знал, просто потому, что с несправедливостью на Святой Горе не сталкивались. Здесь верили: тот, кто трудится изо всех сил — как трудились пещерные жители, добывая пищу и обогревая друг друга, — просто не может «плохо жить». Поэтому встреча изменила не только людей, но и богов.

Решив, что люди правда заслуживают помощи, Зирус и принес в наш мир волшебство. Он отметил тех дерзких вождей и еще нескольких понравившихся младенцев знаками на запястьях — горящими стрелами — и наделил особыми силами. Могущественными: создавать огонь, летать, находить подземную воду, исцелять, предвидеть судьбу. Так, казалось ему, он восстанавливает справедливость. Ту, о которой пока слишком мало знал. Увы, Зирус переоценил людей: через несколько поколений они возгордились. Волшебники сговорились и решили напасть на Святую Гору, чтобы взять оттуда что-нибудь еще. Конечно, у них не получилось, ну а рассерженный Зирус в наказание ослабил их магию: отнял полеты, и власть над пламенем, и все, что могло причинять сильный вред. Тогда же ввел первое правило: рано или поздно волшебники теперь становились калеками и сходили с ума. Люди присмирели. Жизнь продолжилась. Демос вол-

Часть 1. Правила волшебников

шебника больше не считался даром, чаще — отсроченным проклятием.

Шло время, волшебники продолжали рождаться то там, то тут. Люди уже не жили в пещерах, огонь добывали без колдовства, строили города, возделывали поля. К Святой Горе приносили дары — в благодарность за давнее милосердие и в знак извинения за давние дерзости. Носили эти дары, как правило, волшебники. Так с ними познакомилась жена Зируса, прекрасная Гестет, богиня с кошачьими глазами и ушами. Она полюбила общаться с волшебниками, а они были милы и добры с ней.

Среди волшебников у Гестет вскоре появилась подруга — настоящая подруга, с которой они плели друг другу венки, собирали ягоды, купались в море. Гестет тайно проводила ее на Святую Гору и тайно же ходила к ней в дом смотреть на людской уклад, эти двое очень любили друг друга, да и другие волшебники все больше нравились Гестет. А потом настал роковой день. Любимая подруга изувечилась, ослепла и сошла с ума. Когда эта женщина напала на своих детей и на попытавшегося защитить их старосту деревни, Гестет пришлось убить ее, и сердце богини разбилось. Она вернулась домой к мужу и сказала: «Волшебники давно искупили вину. Все это несправедливо». Муж не согласился с ней и не смягчил правило. Тогда она ввела другое: создала второй демос. Гасителей. И навеки связала их с волшебниками.

Очевидно, как все пошло дальше, правда? Люди никак не могли жить нормально, у богов постоянно находился повод для расстройств, они лезли в наше существование только больше и вводили новые, новые правила. Рыбохвостые сестры-плаксы Окво придумали странников и наделили клеймом-кораблем, обязав раз в определенное время отправляться на поиск новых земель, чтоб меньше воевать за старые. Тигрозубый Арфемис, который, пожалуй, больше всех богов любит понятие «справедливость», вообще издевается над нами по полной: создал демос законников, отмеченный весами

и способный распознавать ложь, проклял регалии так, чтобы они убивали любого, кто засидится на троне больше двадцати лет... Гадостный Арфемис. Именно из-за него я сейчас оказалась там, где оказалась.

Обо всем этом я думаю под методичный скрежет: Скорфус носится вдоль отвесной стены в десятке шагов от телеги и покрывает камень заковыристыми письменами на одном ему и богам понятном языке. Больше похоже на кружевной рисунок, а каждая бороздка, каждый завиток, едва проступив, наполняется слепящим красным светом. Когда мой гениальный кот распишет всю стену, мы наконец сможем вернуться домой.

— Скоро там? — кричу я: для меня знаков уже довольно много.

— Попробовала... бы... сама... — пыхтит он, и на каждую паузу приходится еще по одному росчерку когтей, еще по одному символу.

Может, я бы и попробовала, мне не жалко ему помочь. Вот только где мне? Холодный порыв ветра задевает по щеке, и я ежусь: не понимаю, откуда дует, этот поцелуй или, скорее, укус сквозняка уже не первый. Не хватало еще простудиться. Мерзкие пещеры...

Вздохнув, я отвожу глаза от мечущейся черной фигурки, затем от лениво разлегшейся на камнях ящерицы и, наконец, опять смотрю в противоположный конец телеги. Монстр открыл глаза, но лежит все так же безжизненно, таращится в одну точку; грудь, перетянутая веревками, чуть-чуть вздымается. Наверное, я хотела бы знать, о чем он думает. И думает ли.

— Как полагаешь, я убью тебя? — интересуюсь я, прикусив угол губы. — Да, да, это я тебе.

Он смотрит на меня секунду, не больше, и снова упрямо дергает подбородком.

— Может, и стоило бы, — бросаю я. — После того, как ты поступил. Ты ведь мог стать великим вопреки всему, отец так надеялся на тебя...

Часть 1. Правила волшебников

Он смеется. Потом кашляет.

— Это того не стоило, правда.

Он опять закрывает глаза. Я скольжу взглядом по веревкам, опутывающим его тело. Железные когти замотаны аж тройным слоем, эта рука прижата к телу так плотно, что, наверное, туда уже вообще не поступает кровь. И снова мне становится жаль. Я говорю мягче:

— Потерпи. Скоро мы будем дома. Если, конечно, ты помнишь дом.

Он все так же не отвечает. Я сжимаю зубы, резко встаю и выкарабкиваюсь из телеги, спрыгиваю на сырые камни, выдыхаю слабое облачко пара. Кажется, будто меня дразнят уже два кружащихся порыва ветра. Бр-р. Нужно пройтись: согреться и прояснить голову. Нужно перестать думать как о будущем, так и о прошлом, сосредоточиться на настоящем.

Пещера большая и почти идеально круглая — уже это намекает на ее искусственность. Стены гладкие, легонько отливают масляной радугой — скорее кварц, чем гранит. Если приглядеться, за этой темной полупрозрачностью можно рассмотреть силуэты — каких-то огромных волосатых слонов, костистых бескрылых драконов, кораблей, у которых горят окошки. Несколько человеческих скелетов. Несколько далеко не человеческих — с крыльями, с огромными черепами. «Осадочная порода времени» — так это назвал Скорфус, когда, попав сюда впервые, я чуть не умерла от ужаса.

Скорфус вообще знает и использует много странных слов. «Трансцендентальность», «душила», «человечица», «осадочная порода», «херня». Он говорит, эти слова приносят ему само мироздание. Он говорит, что иногда может только догадываться об их смысле или вкладывает собственный. Я говорю, что лучше бы знать смысл слов, которые ты используешь, но он тут же зовет меня душилой.

Я снова начинаю наблюдать за его стремительным, вертикальным силуэтом. У Скорфуса очень красивое тело, если можно, не выставив себя ненормальной, сказать так о нечеловече-

ском существе. Но это так: даже не будь у него одного глаза и крыльев, даже не будь у него человеческой речи и настолько омерзительного характера, его сложно было бы принять за обычного кота. Он словно не ходит, а перетекает. Не лежит, а сливается с окружающей ночью или тенями. Не потягивается, а раз за разом заново лепит свои позвонки из черной глины. То, что Скорфус не из Гирии, видно невооруженным глазом. То, что он мой, просто удивительно.

— Ты пялишься на меня. — Сделав петлю, хитро констатирует он, и на стене появляется огромное кольцо, на которое «нанизано» сразу несколько символов-паучков.

Тьма пещеры отзывается: начинает негромко, нежно, без слов, но с призрачным перезвоном петь. Это будто священный хор там, за каменными пластинами, среди драконов, слонов и кораблей. Так же тьма пела, встречая нас. Хороший знак.

— Почему бы нет. — Я пожимаю плечами и выдавливаю самую двусмысленную улыбку, на какую способна. — Может, в моих фантазиях перед сном или в купальне ты иногда превращаешься во что-то другое. Что-то двуногое и более аппетитное.

— Пф-ф. — Его хвост на пару секунд встает трубой. От кольца расползается яркий алый свет. — Полегче на поворотах, человецица, если я умру от кринжа, вы отсюда не выберетесь.

«Кринж» — это вроде «омерзение». Еще одно иномирное словечко для избранных, ну-ну. Я отвечаю смешком и подхожу ближе, заметив, как полет Скорфуса неуклонно замедляется. Вовремя: стоит оказаться у стены, и он нагло складывает крылья, камнем падает мне на руки, замирает. Довольно тяжелое тело пылает, морда запрокинута, крошечное пятнышко белой шерсти на груди дрожит от частого дыхания. Вполне себе кот. Можно почесать ему пузо. И погреться: сквозняк опять усилился. То ли не хочет отпускать нас, то ли спешит ускользнуть следом.

Часть 1. Правила волшебников

— Откроется через несколько минут. — Блаженно зажмурив глаз, Скорфус бегло кивает на сияющую стену. — Напомню: нам нельзя выносить и вывозить из Подземья ничего из того, что ему принадлежит, точнее, с этими вещами мы просто не сможем выйти. То есть...

— Телега, — вздохнув, киваю я. — И эта ящерица.

— И веревки, — добивает меня Скорфус.

Проклятие. Некоторое время мы молчим.

— Будешь душить его снова или?.. — наконец тихо спрашивает он.

Я качаю головой, не дав ему закончить:

— Хватит.

— Как тогда? — Он ерзает в моих руках. Я аккуратно опускаю его на камни.

— Есть одно средство. Я и раньше использовала его для решения проблем...

— Опасное, Орфо? — Он переворачивается на живот, встает и начинает шумно отряхиваться. Шерсть местами встает дыбом.

— Да нет, нет... — Я потираю лоб, а потом тянусь к маленькому флакону на поясе. — Жди.

Ящерица, точно что-то почуяв, встает, едва я прохожу мимо, и дергает хвостом. Снова забираюсь в телегу, подхожу к Монстру, сажусь подле него на корточках. Он успел впасть в забытье. Но, к сожалению, для нашей безопасности оно недостаточно глубокое.

— Эй. — Несильно бью его по щеке. Веки дрожат. — Эй, пора в дорогу. Замерз, наверное?

Глаза он приоткрывает совсем чуть-чуть; из-за красного мерцания они похожи скорее на две маленьких раны. Вид измочаленный, ответа нет.

— А еще ты, думаю, хочешь пить. — Я открываю флакон. Из него вырывается слабый травянистый запах: тимьян, лаванда, валериана, огромное количество корений, которых не найти в простом саду. — Давай, ведь боги знают, что будет дальше.

Он чувствует этот флер — и несомненно узнает, судя по тому, как дергается, как нервно хрипит. Не хочет, нет, но я, переборов омерзение, хватаю его за волосы, давлю пару червей и, намотав пряди на кулак, заставляю голову застыть в нужном, чуть запрокинутом положении.

— Пей, — повторяю я и прижимаю горлышко к его рту, прежде чем он сжал бы зубы. — Пей, от этого никто еще не умер.

В мгновения, пока сонное зелье льется ему в горло, он смотрит мне в глаза, и я это выдерживаю. Но концентрация убийственная, и сознание Монстра плывет сразу, слава богам. Не проходит и минуты, как он обмякает. Я отпускаю его, скорее вытираю руки, возвращаю флакон на место. И, сняв с пояса уже нож, начинаю сосредоточенно резать веревки.

Стена за моей спиной наливается все более ослепительным красным светом. Дом ждет нас, вот только все лишь начинается. Сквозняк бьет меня по щеке, точно злась.

Ничего нового, я зла на себя не меньше.

ПРИНЦЕССА

Наверное, самой тяжелой из обязанностей Эвера было ночевать со мной в Кошмарную неделю — ту, когда боги насылают на волшебников дурные сны. Луна в эти ночи разрастается в огромный шар с кровавой каемкой, глядит с неба злым глазом и подмечает каждое прегрешение. В эту неделю особенно опасно бить зеркала: лишишься удачи не только в делах, можешь и голову потерять. В эту неделю лучше не ходить на охоту: любое животное, которое ты убьешь, может оказаться священным, даже еж, белка или выдра. В эту неделю дурные сны видят и обычные люди. Но волшебникам все-таки хуже.

Это начинается, когда нам исполняется лет восемь. Отныне каждый месяц мы не спим семь ночей — точнее, спим, но

Часть 1. Правила волшебников

сном это не назвать. Огонь и тьма, склизкие щупальца-плети и твари, сжирающие наши внутренности, чудовищные гиганты, насилующие нас, еда, покрытая червяками, вода со вкусом мочи и запахом фекалий... Все это — реальность, куда мы проваливаемся и откуда не можем выбраться до зари, все это встречает нас и если вздремнуть днем. Некоторые, конечно, хитрят: жуют особые корни и разводят с водой жженые бобы, позволяющие сопротивляться самому желанию спать долго-долго. Это немногим лучше: да, ты переживаешь Кошмарную неделю, но после семи дней и ночей бессонницы ты даже больше похож на мертвеца, чем тот, кто покоряется судьбе. Терпеть кошмары — правило. Если ты не выполняешь его, тебя накажут.

Если рядом гаситель, сны чуть менее зверские, а еще он может разбудить тебя до того, как кошмар станет совсем невыносимым. Касание его ладони ко лбу унимает жар. Беда одна: гаситель не может спать вместе с тобой, он должен сторожить тебя — значит, жертвовать своим отдыхом.

Когда ко мне приставили Эвера, я не желала, чтобы он так делал. Сны еще только подбирались ко мне, я терпела их, но даже когда поняла, сколь они чудовищны, — я противилась. Полегчает мне оттого, что Эвер пару раз разбудит меня? А от его ладони на лбу? Мне всегда казалось, лучше просто принять то, что боги нам предназначили. Кошмары — значит, кошмары. Ведь они обязательно кончатся, и я даже точно знаю когда. А через пару ночей нормального сна я уже буду как новенькая. Ну и, конечно, все переносится немного проще, если днем есть побольше фруктов, пить укрепляющие нектары с медом, лимоном и шиповником, больше гулять.

Эвер считал иначе; я чувствовала, что ему меня очень жаль. Наверное, ему страшно представлять, как я мечусь на постели, невыносимо слышать, как я кричу и плачу — особенно если мне вдруг снится мама, тоже в облике какого-нибудь чудовища. Все-таки я была маленькой и вдобавок переживала это одна, на мои крики никто не прибежал. Я сама уговорила папу: «Я же волшебница, я должна привыкать». Пару раз он,

конечно, ломился ко мне, и служанки ломились, и даже целеры, но я всех прогоняла. «Я в порядке, в порядке!» — кричала я, стирая кровь с искусанных во сне губ. Выпивала воды из кувшина — и снова падала в черноту. Мама и другие чудовища встречали меня там, смеясь и скалясь.

С Эвером, правда, стало легче: в снах я теперь чувствовала меньше боли, побеждала некоторых чудовищ или убегала от них, выбиралась из пожаров. Это все равно было изматывающе, но терпимо. Приходя в себя, я благодарно брала Эвера за руку и раз за разом отправляла поспать днем. Он редко подчинялся, но кое-что между нами, несомненно, изменилось: от моих касаний он больше не шаркался. Даже когда я переплетала наши пальцы.

Кое-что расстраивало меня страшно: на Эвере ужасно сказывалась нехватка сна. После двух-трех таких ночей его шатало, он мог потерять сознание, а под его глазами стелилась такая чернота, что больно было смотреть. Он продолжал улыбаться и делать со мной уроки, мы возились в саду и гуляли — гуляли с Лином, ведь другой возможности «безопасно» пообщаться со мной у брата не было, — но я чувствовала, каких усилий Эверу все это стоит. Когда мы с Лином, например, находили в лесу поляну с земляникой и начинали азартно собирать ее, Эвер просто ложился под сосну поодаль и прикрывал глаза. Когда мы носились у морской глади — садился на песок и рассеянно пересыпал его в ладонях. Опасения Лина в такие дни оказывались беспочвенными: секретничать мы могли о чем угодно, Эверу не было до нас никакого дела.

— Чего ты все время на него озираешься? — вздохнул в одну из таких прогулок брат. Мы только что поплавали, сидели в мокрых туниках на песке и строили из него храм Арфемису. Противному нудному Арфемису, которого я терпеть не могла.

— Ничего я не... — начала я, но осеклась, поняв, что он прав. Я покосилась на сидящего ближе к валунам Эвера уже раза три. Я боялась, что он уснет и ударится о камни головой.

Часть 1. Правила волшебников

— Какой-то он у нас чахлый, да, малыш? — подавшись ближе, шепнул Лин. Его дыхание обдало меня странной горечью, напомнившей об укрепляющих настойках, которыми нас пичкали в холода.

— Это из-за меня, — вздохнула я, потерев глаза кулаками. Была как раз середина Кошмарной недели, и в прошлую ночь я не спала. — Сам подумай. Он же бодрствует семь ночей подряд...

— Зато тебе получше. — Лин слабо улыбнулся и принялся выравнивать колонны храма.

Я положила сверху легкий кусочек коры и стала покрывать песком, делая крышу. Был один страх, который я устала держать в себе. И я поделилась:

— Знаешь, с такими жертвами я сомневаюсь, что гаситель может прожить больше волшебника.

— Обычно именно так и бывает, — удивленно возразил Лин. — Боги не дураки. Они дают гасителям тот запас прочности, который нужен, чтобы хорошо служить волшебникам.

— Служить... — повторила я, глянув на него исподлобья. Лин понял, спохватился.

— Помогать.

Мы замолчали. Соленый ветер трепал наши волосы, руки иногда соприкасались на влажных песчаных фигурах. Я чувствовала: Лину неловко, он думает, как возобновить разговор, но сама не очень хотела этого.

Наши отношения за последний год снова стали ближе — благодаря более частому совместному досугу, благодаря тому, что с Эвером действительно оказалось здорово играть в петтейю, благодаря их общему с братом интересу к истории и путешествиям. Эвер заново соединил нас, а особенно когда начал учить драться. Сам он сражался довольно необычным оружием, но и его навыков в фехтовании оказалось достаточно, чтобы обучить меня и подтянуть Лина. И все же одновременно я чувствовала: не все... так, как мне бы хотелось. Брат по-прежнему считал, что я для него маловата, а Эвер

великоват. Поэтому он доверял нам меньше, чем мог бы. Поэтому мы, например, так и не упоминали в разговорах маму. Поэтому, влюбившись в дочку одного из наших садовников, Лин всеми силами старался это скрыть – и вспыллил, когда Эвер попытался дать ему какой-то «мальчишеский» совет.

Эвер встал с песка, пошел к нам. Мы улыбнулись, когда он сел между нами и оглядел храм.

– Чего-то не хватает, – отметил он. Полез в карман штанов, вытащил довольно большую витую ракушку и занес над моей хлипкой крышей.

– Не надо, упадет! – запротестовала я: храм получился красивый.

– Нет, нет, он сможет, – уверил Лин, сощутив глаза. Он неотрывно, с каким-то странным выражением наблюдал за бледными пальцами Эвера. Бледными как всегда – Эвер почти не загорал и не обгорал. Его кожа словно отталкивала или просто впитывала солнечные лучи.

Эвер долго выбирал, как положить раковину, и в итоге она оказалась точно в центре нашей постройки. Песчаные своды дрогнули, но выдержали, в перламутре заиграло солнце. Красиво! Я захлопала в ладоши, любуясь; Эвер начал что-то объяснять про баланс и противовесы. Лин, то ли слушая, то ли нет, вдруг удовлетворенно улыбнулся, тоже занес руку... и одним движением, с криком «БАХ!» снес всю конструкцию. Я взвизгнула: песок попал мне в лицо. Осекшийся на полуслове Эвер нахмурился, но не сделал брату замечания. А сам Лин довольно засмеялся.

– С ума сошел! – Я опять принялась тереть кулаком глаза. К счастью, от мокрого песка я легко избавилась. Но я рассердилась: он сделал как... как ребенок! Которым уже даже я не была!

– Красота в скоротечности, – возразил Лин и посмотрел на Эвера так, словно именно от него ждал одобрения. Я тоже посмотрела. Эвер продолжал хмуриться.

Часть 1. Правила волшебников

— Красота во множестве вещей и поступков, — ответил он наконец. — Скоротечность — только один из путей, и не самый трудный.

Лин с сомнением хмыкнул. Эвер отряхнул рубашку и внимательно посмотрел на него.

— Ты будешь королем, — произнес он довольно тихо. Взял раковину, подкинул на ладони. — Твоими ориентирами должны быть долговечность... — быстрым сильным движением он забросил раковину далеко в море, — и свобода. Скоротечность может погубить твой народ. Как мой погубил Великий Шторм.

Лин закусил губу, потом встал. Он все еще смотрел странно — теперь будто с обидой. Или с разочарованием.

— Понятно, — бросил он, повернулся и, подобрав сухую одежду и сандалии, пошел прочь, в сторону скалы, в которой вырублен был подъем к замку, на крепостную стену. — Пока.

Я хотела побежать за ним. Эвер мягко удержал меня за плечо.

— Не надо. Не сейчас. — Но его воспаленные, усталые глаза не отрывались от напряженной спины Лина. Кажется, Эвер был не со мной. Он встревоженно о чем-то думал. То же, наверное, заметил, что вот такие перемены настроения, взрывы чувств, спонтанные поступки случаются с Лином все чаще. Но был слишком тактичным, чтобы это со мной обсуждать.

— Он сам ведет себя как... Великий Шторм! — возмущенно заявила я, и Эвер, наверняка пересилив себя, рассмеялся.

— Нет, нет. Все не настолько плохо. Это называется «ранний подростковый возраст», ты тоже такая будешь.

Я надула щеки, замотала головой: чего? Он вздохнул и посмотрел на воду.

Великим Штормом называлось древнее, темное двадцатилетие, в которое море вообще не бывало спокойным. Волны постоянно ревели, выбрасывали на берег рыб и дельфинов, ломали в щепки суда. Говорили, это из-за какого-то физаль-

ского разбойника, попытавшегося похитить одну из дочерей Одонуса. Физальцы и пострадали от Великого Шторма сильнее прочих народов: они были мореходами, даже жили больше на кораблях, чем в городах. Голодные, потерявшие немалую часть людей, они вынуждены были присягнуть на верность гирийскому королю. Когда Шторм кончился, уйти они уже не смогли. Удивительно многим понравились сухопутная жизнь, праздность и богатство чужого двора... ну а чужому двору — нам — очень понравились удобные выходы к морю, просторные бухты, соляные карьеры и редкие, но могучие крепости. Вспоминать о былом величии и требовать волю физальцы начали только во времена моих прадедов. С тех пор словосочетание «Великий Шторм» стало у них почти ругательством. Порой я повторяла его за Эвером.

— Так или иначе, — ободрил меня он, с усилием отводя взгляд от волн, — все шторма роднит одно: они заканчиваются рано или поздно. Сама увидишь.

И правда, за ужином Лин уже вел себя как ни в чем не бывало: был болтлив, улетал суп из моллюсков и чесночный хлеб за обе щеки. Эвер, у которого наоборот пропал аппетит, то и дело посматривал на него, а я — на Эвера. Сердилась: какой он усталый... да еще и терпит всякие гадости. Всякие... шторма. Вскоре после этого я наконец придумала, как немного освободить его от ночных страданий — так разозлилась.

В комнате у меня всегда хранилось сонное зелье — мне выдавали его, чтобы я лучше спала после Кошмарной недели и быстрее восстанавливалась. Новый флакончик оказывался на столе каждый месяц. Никто не подозревал, что я не успеваю выпить его целиком. Под моей кроватью жило сразу несколько таких флакончиков, в большом сундуке. Так, на всякий случай.

В следующую Кошмарную неделю я впервые попробовала подлить Эверу немного зелья в молоко с медом, которое мы пили перед сном. Он ничего не заметил и задремал в кресле, так что всю ночь я была предоставлена своим кошмарам.

Часть 1. Правила волшебников

Проснулась я совершенно разбитой, зато он — нет. «Ничего страшного, ты просто устал», — утешила его я, и мы пошли завтракать. Он встревоженно посматривал на меня раз за разом, но я была довольна. Даже счастлива.

Постепенно я отточила свои маленькие преступления: поняла, что снотворное лучше не подливать чаще, чем в три-четыре ночи недели, а также решила сама в такие ночи не спать. Жевать пахучие темные бобы с Дикого континента у меня бы не получилось: такие бодрящие вещества разрешалось употреблять только взрослым. Поэтому я ограничивалась простыми методами: читала, ходила по комнате, когда было совсем невозможно — ложилась и вставляла в глаза обломанные палочки. Хорошо хоть Эвер в своем глубоком сне этого не видел. Зато я могла смотреть на него часами и в какой-то момент поняла, что мне не надоедает. Это красивое лицо напоминало скульптуру. Эти упавшие на глаза волосы я несколько раз трогала — и на ощупь они оказались мягкими, почти как шелк. На этих пальцах появились наконец кольца — тонкие серебряные ободки на средних фалангах. Я правда могла ночь напролет рассматривать Эвера, безвольно раскинувшегося в кресле. И только теперь, став постарше, понимаю, что, наверное, в этом было что-то нездоровое. Хотя чего ждать от человека, плящегося и на своего кота?

Зато Эвер высыпался, и мы продолжали хорошо проводить дни. Прыгучее настроение Лина, конечно, портило их: он то был слишком веселым, то замыкался, то скакал как олень, то словно впадал в спячку. Еще, к моей досаде, он продолжал общаться с Эвером странно: будто не понимал, чего хочет больше — заслужить его уважение или бросить вызов. Лина, несомненно, уязвляло то, как хорошо Эвер обращается с оружием, — он постоянно одерживал над нами верх. Когда один-единственный раз я, использовав волшебство, все же победила и опрокинула Эвера в траву, Лин возмущенно заявил, будто Эвер мне поддался, и мы поссорились. В следующем поединке Лин злился так, что проиграл за пару минут.

Но послушно ухватился за протянутую руку, когда Эвер склонился над ним и сказал:

— Не переживай. Мои возможности всегда были и будут ограничены. Твои — бесконечны. И ты большой молодец.

Я не до конца поняла, что он имеет в виду, и я уверена — Лин тоже. Но он неожиданно весь покраснел и даже выпалил какие-то благодарности. А Эвер — совсем тихо, но я услышала — добавил:

— Если, конечно, ты перестанешь ограничивать их сам.

В первый вечер следующей Кошмарной недели, поставив на стол молоко в кубках, Эвер сел в изголовье моей кровати и сказал мне, уже забравшейся в постель:

— Орфо, перестань, пожалуйста, это делать.

— Что? — Я невинно округлила глаза, а под одеялом сжала кулак с флакончиком.

— Ты знаешь, — сухо ответил он. С этим строгим, сосредоточенным взглядом он казался намного старше своих семнадцати.

— Не-а. — Я помотала головой. Параллельно я прикидывала, как бы его отвлечь, чтобы он встал и отвернулся от кубков.

Эвер вздохнул. Бледные пальцы его, дрогнув, потянулись к горлу, к розовому «ошейнику», от которого осталась только пара маленьких рубцов возле кадыка. Я уже знала — это нервный жест. Эвер делает так, когда сильно переживает. А еще когда ему что-то вспоминается.

— Не опаивай меня, — наконец прямо попросил он. Рука опустилась, так и не коснувшись кожи. — Не нужно, ведь я очень боюсь, что ты пострадаешь. Упадешь с кровати и сломаешь шею, или случайно задушишь себя, или расцарапаешь...

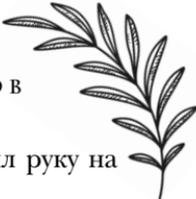
— Я не всегда сплю, пока ты... — Отнекиваться я не стала, поняв, что бесполезно, и сразу бросилась спорить. Но Эвер не дал мне перебить.

— И я вдвойне прошу тебя этого не делать, потому что с такими вещами у меня связаны не лучшие воспоминания.

Часть 1. Правила волшебников

Я закрыла рот. Эвер хрипло выдохнул, положил руку на колени и, сжав кулак, посмотрел мне в глаза.

— Мой хозяин иногда так опаивал меня. Чтобы делать некоторые вещи. С моим телом. Когда я сопротивлялся слишком сильно. Когда... не мог расслабиться.

Между нами повисла тишина. Я понимала, что спрятаться в ней под одеяло с головой и сгореть там от стыда — плохое решение. И просто смотрела в ответ, не решаясь даже пошевелиться.

— Если тебе правда это так важно, я буду чаще спать днем, — как ни в чем не бывало продолжил Эвер. Его застывшие глаза снова стали немного живее. — Но пожалуйста, прекрати то, что ты придумала. И вообще сонное зелье — это не игрушка.

— Я понимаю, — пролепетала я. В горле совсем пересохло, я схватила свое молоко. — Прости! Пожалуйста! Я хотела как лучше.

— Знаю. — Эвер кивнул. Его улыбка немного приободрила меня. Он взял свой кубок, стал не без опаски нюхать.

— Да нет там ничего, нет! — Я выпростала из-под кровати вторую руку и показала ему флакон на раскрытой ладони. — Я не успела.

— Ну и славно. — Он забрал зелье, задумчиво повертел в руке, потом встал, отошел и поставил на подоконник. — Очень славно. А теперь скажи-ка мне...

— Да? — Я подалась немного вперед. Уши горели: я была уверена, что сейчас пойдут вопросы вроде «Сколько уже раз ты надо мной издевалась?». Но Эвер спросил другое:

— Ты представляешь, сколько приблизительно у тебя скопилось таких пузырьков?

Я пожала плечами:

— Не-а.

— Можно посчитать?

Я кивнула, слезла на пол, мы с Эвером заглянули под кровать и нашли в сундуке семь бутылочек. Мало. Я точно

помнила: в начале месяца их было одиннадцать. Еще одна стояла на подоконнике... значит, три пропали.

— Что-то не так? — вкрадчиво спросил Эвер, когда мы вылезли на свет.

У меня пока не было ответа, но что-то подсказывало мне, что он прав. А еще что-то — скорее всего, волшебная интуиция, — что я догадываюсь, где, а точнее, в ком проблема.

Кошмарную неделю мы пережили без приключений и преступлений: я страдала, как волшебнице и подобает, Эвер присматривал за мной, а потом под моим присмотром дремал днем в саду. Все это время мы будто и не вспоминали о флакончиках, но я знала: он думает о них так же, как я. Лин с нами не общался — у него было много дел с отцом. К концу недели флакончиков под кроватью стало шесть. А отоспавшись после своего последнего наказания и выйдя утром в сад, я увидела, как Лин и Эвер шепчутся, сидя на скамейке в самом дальнем углу. Их позы казались напряженными. Оба жестикулировали.

Я подошла бесшумно и отлично услышала несколько фраз.

— Это не выход, пойми! — Эвер всплеснул руками. Он никогда так не делал.

— Я так больше не смогу... — пробормотал Лин, сжав край скамьи.

— Сколько ты уже на этом?

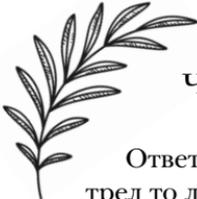
— Второй год... — Голос брата дрогнул, а Эвер схватился за голову.

— Ты хоть понимаешь...

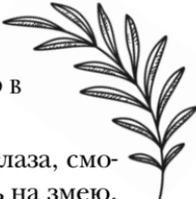
— Это ты не понимаешь! — Лин попытался оттолкнуть Эвера подальше, но тот схватил его за плечи, встряхнул. Никогда я не видела у него такого застывшего лица.

— Лин. — Голос звучал хрипло, но ровно и уверенно. — Чувства и воспоминания, которые ты притупляешь, все равно тебя настигнут. Это так не работает. Пора прекращать. Бери пример с сестры. Она же как-то справляется, а ведь она значительно младше.

Часть 1. Правила волшебников

Ответа все не было — Лин лишь смотрел во все глаза, смотрел то ли испуганно, то ли заворуженно, как мышь на змею. В этом было что-то тревожное, что-то неправильное, ведь это же славный, добрый Эвер. Зато... он похвалил меня! Он меня похвалил! Понять бы еще за что, с чем я «справляюсь»... Интуиция снова зашептала ответ. Я сделала шаг вперед и намеренно громко хрустнула веткой. Мой король и мой гаситель обернулись, и я прижала палец к губам. Лин хотел вскочить. Эвер поймал его и посадил назад. Он выглядел замученным и как никогда усталым.

— Не понимает. — Кажется, Эвер... жаловался мне? Как взрослой, которая может помочь? Наверное, я зарделась, как гранат.

— Это вы не понимаете, оба! — рявкнул Лин, снова попытавшись вскочить и впившись в меня взглядом. — Орфо! Ты... хотя бы ты, ведь ты тоже это пережила...

Он запнулся, выдохнул хрипло и рвано. Я поскорее подошла, удержала его за плечи и прижала к себе. Взрослая, взрослая... я сама это знала. Он был выше, но сейчас, когда я стояла, а он сидел, смог уткнуться мне в грудь. Затрясся. Может, даже заплакал, только без всхлипов. Я гладила его по волосам, а в нос мне снова бил запах горьких трав — знак, что сегодня брат переусердствовал. С дозой.

Свойства состава, лежащего в основе сонного зелья, меняются в зависимости от температуры. Прохладное зелье действительно усыпляет, подогретое на огне — действует как дурман. Оно бодрит и снимает тревогу, придает сил и отвлекает от невзгод. Оно веселит и заставляет ум работать быстрее, оно постепенно делает тебя не тобой и иногда, словно вспомнив об основном свойстве, начинает усыплять — в момент, когда само захочет. Зато тебе вроде как становится проще жить, конечно, пока ты совсем не превратишься в безмозглое чудовище. Испарения от подогреваемого зелья можно вдыхать, а можно — если хочешь совсем сильный эффект — пить. Сегодня Лин явно выпил. Как и в тот день на пляже, когда разрушил храм. Он нарушил правило — людское, а не божеское, но очень

важное. Зелья-дурманы запрещены. Каждый, кто пойман на их употреблении, должен сдать властям и пройти наказание плетьюми, а потом очищение — два месяца пить козью мочу.

— Давай, Эвер, — выдавил Лин. Он намертво впивался в мою тунику. — Давай, иди, расскажи отцу. Он точно тебя похвалит. И плевать ему, что без этой штуки я не смогу нормально сопровождать его, и держать столько имен в голове, и не думать о... о...

— О маме, — прошептала я. И тогда он задрожал и заревел в голос, словно это ему, а не мне было десять лет.

Думаю, он вспомнил все их... путешествия в военный год. Вспомнил день, когда она, в алом платье, в последний раз вошла к нему спальню, ласково взяла его за руку и позвала: «Пойдем погуляем к дальним скалам». Вспомнил, как там, в штормовой тишине, когда чужие корабли уже маячили на горизонте, кир Илфокион приказал: «Отпустите принца», а мама отрезала: «Он умрет со мной, он не будет унижен» — и попыталась ударить Лина ножом, но не успела. Думаю, он вспомнил и мой сломанный от падения с лестницы нос. И то, как я теперь улыбаюсь, рассматривая в зеркале свою легкую, почти невидимую горбинку.

Я утешала его, а Эвер молча сидел и глядел в крепостную стену. Вдоль нее уже разрослись ландыши, смешались с земляникой. Воздух чудесно пах, так и звенел свежестью. Может, он и успокоил в конце концов Лина: мой бедный брат выдохнул, отстранился, яростно вытер туникой глаза. Тогда Эвер сказал:

— Я ничего ему не выдам. Но ты должен немедленно это прекратить.

Лин усмехнулся, мотнул прилипшими к лицу волосами. Я стала отводить черные локоны, стараясь не вдыхать глубоко. Эвер все смотрел на него. Он смотрел на Эвера. Наконец тихо спросил:

— Ты тоже это принимал?

— Попробовал несколько раз, — неопределенно ответил Эвер. Его рука потянулась к шее. — Чтобы... не обращать вни-

Часть 1. Правила волшебников

мания. Но, как ни странно, именно хозяин и смог вполне доходчиво объяснить мне, что потом со мной станет. И стал... иногда давать вино.

Или использовать то же зелье, но законно. Как я. Об этом продолжении я догадалась сама.

Мы с Лином переглянулись. Он прошептал:

— Мое тело зависимо от зелья? Я просто не понимаю, не контролирую себя, идя к сестре...

Эвер покачал головой:

— Твой разум. Только он. Ты уже привык спасаться так, придется отвыкать. — Он снова слабо улыбнулся и кинул взгляд на меня. — Но мы поможем. Давай для начала попробуем просто проводить больше времени вместе. И разговаривать. В том числе о твоей матери и твоём страхе быть королем. А там посмотрим, понадобится ли тебе еще помощь.

Лин сжал зубы. Я знала: он вспоминает давние слова на берегу, слова о сложных и легких путях. Он долго шел легким. Теперь предстояло выбрать сложный. Он боялся. Я взяла его за руку.

— Король и его волшебница.

Лин вздрогнул, но вцепился в меня в ответ. А я подумала и поправилась:

— Король. Его волшебница. И ее гаситель. На веки вечные.

С того дня мы наконец по-настоящему стали друзьями. Жаль, ненадолго.

ЧУДОВИЩЕ

Ненормальная физическая сила покидает меня вместе с ознобом — с каждым шагом сквозь колышущуюся завесу. На ощупь эта дрянь тугая, немного липкая и теплая, как человеческая кожа, — хочется просто вспороть ее ногтями, разодрать в клочья и скорее вылезти на свет, но,

увы, руки заняты. В ушах свистит: пещерные сквозняки не хотят меня отпускать.

Вряд ли в чью-то голову вообще поместилась бы такая картинка – я, грязная, окровавленная, всклоченная, гордо выхожу прямоком из прибрежной скалы. Она вся в багровой гадости, больше похожа на прорванную девственную плеву, а через мое плечо небрежно перекинут огромный, в полтора раза меня крупнее, Монстр. Монстр Преисподней, впрочем, так его зовут подземцы. Мы-то даже не знаем, что за место Преисподняя, наши боги ни о чем таком не рассказывали.

Силы окончательно иссякают, стоит ногам впервые ступить на пляж, и я спешу скинуть черно-серую тушу, до того как захрустит моя спина. Не успеваю: падаю рядом, так неловко, что набираю полный рот песка. Проклятие! Ну ладно... Некоторое время просто лежу тряпкой, уткнувшись в него. Мышцы ноют, ободранная шея саднит, да еще и клеймо горит, будто рисунок раз за разом прижигают раскаленной иглой. По-видимому, так возвращается волшебство.

– Вставай, потомок обезьяны, – подначивает меня Скорфус. Судя по ощущениям в позвонках, по ним прохаживаются с выпущенными когтями. Изворачиваюсь и скидываю его, даже пытаюсь придавить собой. – Тихо-тихо, ты ведь помнишь, как я ценен?

Тут есть доля правды: фамильяры отличаются от обычных питомцев не только фантастической красотой. Они потомки животных, по своей или божьей воле покинувших Святую Гору и породнившихся с обычным зверьем. Большая загадка нашего мира – сами-то боги не могут сходиться со смертными существами, пламя в их крови и семени сжигает всех нас заживо, даже их поцелуи для нас смертельны. А вот фамильяров развелось уже множество, и почти каждый обладает как минимум одной волшебной силой, а порой целым букетом. Большинство говорят. Некоторые что-то предвидят. Другие умеют обращаться в людей, раздваиваться, выдыхать огонь, ходить сквозь стены. Скорфус чувствует и восстанавливает

Часть 1. Правила волшебников

ливают единожды открытые порталы, а его слюна облегчает боль. Но это не единственное и, пожалуй, не главное, на что он способен. И все равно мне есть чем встретить его наглость.

— Уже нет, — хмыкаю я, переваливаясь на бок. Подпираю рукой голову и начинаю внимательно наблюдать, как он избавляется от песчинок в лоснящейся шерсти. — Портал ты открыл и закрыл. Дело сделано. И к тому же...

Внутри что-то сжимается. Я не продолжаю.

Мой гаситель вернулся ко мне.

Вернулся ли?

Монстр глубоко спит, хриплое дыхание почти неразлично. Я торопливо подползаю, оглядываю его, хватаю за руку — серую, болезненную, едва знакомую руку с обломанными когтями. Поворачиваю запястье внутренней стороной к себе. Стрела там, была все это время. Дальше я спотыкаюсь взглядом о бирюзовое колечко — свой давний, детский подарок, — выпускаю эту уродливую конечность и обессиленно закрываю глаза. Правда обессиленно, потому что именно сейчас, на *другом* воздухе, я понимаю: смотреть на это невозможно, держаться бодро невозможно, соображать невозможно. Реальность, которую я раскроила своей отчаянной идеей, сомкнулась и срослась. Вот они, последствия. Скоро мне предстоит как-то исправить то, что я натворила четыре года назад, хотя бы попытаться, а еще рассказать об этом правду хоть кому-то. Как минимум отцу. Ему будет больше всех, но да. Стоит это сделать.

— Так, не реветь, не реветь! — Скорфус пролетает где-то передо мной: крыло нагоняет воздух. — Слушай, ну мы же молодцы, почти все сделали, осталась малость.

— Осталось *очень* много, Скорфус, — возражаю я, с усилием сев попряме и посмотрев на него. — Ты не представляешь. Ты тогда еще не был со мной.

Его это не впечатляет; он только весело кувыркается в воздухе и плюхается мне на колени, чтобы свернуться в клу-

бок. Из черноты почти идеального мехового шара сверкает желтый глаз.

— Зато я с тобой сейчас. И у меня большие планы.

Вздохнув, я привычно чешу его между ушей. Он издает вполне обычное урчание, совсем немного похожее на грохот медных труб. Все это время на Монстра я не смотрю. И не думаю, вообще не думаю о том, что делать дальше. Сонное зелье будет действовать до зари. По крайней мере, я уверена: в ближайшие часы он не проснется.

А когда проснется, будет уже другим. Прежним.

— Пур-р-р-р, — блаженно повторяет Скорфус в который раз. И я снова переключаю мысли на него.

Я нашла Скорфуса, когда мне было плохо — омерзительно плохо. Это случилось на берегу, в вечер, когда я почти ничего не соображала и потому приняла его за обычного кота. Потщила бы я домой фамильяра, зная, что некоторые из них опасны? Не знаю, я не отвечала за себя. А Скорфус, как позже выяснилось, только недавно свалился за борт корабля, на котором к нам добирался, еле выплыл, уснул на пляже среди водорослей. Он родом с отдаленного острова Игапты, где фамильяров-кошек целое племя. Почти все они любят свою землю до умопомрачения: местные их обожают как ставленников доброй Гестет. С острова их не выманить, а вот Скорфус — хотя фамильяры не рождаются с клеймами — всегда ощущал себя странником, тем, кому на роду написано путешествовать. Поэтому он пробрался на торговый корабль гирийцев. Но, к сожалению, как оказалось, он не переносит качку, теряет из-за нее ориентацию.

Я нашла его без сознания, мокрым и замерзшим. Окоченелые крылья были так прижаты к облепленному водорослями телу, что я их даже не заметила, приняв за какое-то увечье. Неладное я почувяла, только когда дома он раскрыл глаза и истошно заорал. Впрочем, засыпать и видеть очередные кошмары мне не хотелось, поэтому я отсрочки ради решила выяснить, что за тварь неосмотрительно притащила домой.

Часть 1. Правила волшебников

Мы поговорили. Узнав, что я принцесса, Скорфус мгновенно перевозбудился, без церемоний запрыгнул мне на руки, принялся вовсю тереться, повторяя: «Давай, давай дружить, у нас даже имена похожи, ну давай!» Орфо и Скорфус. Действительно, есть что-то общее. Мой разум был все еще затуманен, по сути, мне было плевать, и я просто сказала: «Давай», чтобы он скорее заткнулся. Потом я легла спать, и он нагло забрался в мою постель. А уже наутро стало понятно: у Скорфуса, пусть в зачаточном виде, есть дар гасителя. Ведь кошмары я пережила куда спокойнее, чем переживала все предыдущие месяцы, а еще через ночь они кончились.

Да, именно так, месяцы. Мое *наказание* больше не ограничивалось неделями.

Так я узнала, почему некоторые волшебники, не нашедшие гасителей, но подружившиеся с фамильярами, достаточно долго оставались живыми и здоровыми. Я сомневалась, что это светит мне: я нарушила слишком много правил. Но Скорфус дал мне надежду. И — куда важнее — стал другом. Кажется, даже первым настоящим другом, ведь что Лин, что Эвер были для меня *не такими* друзьями. А может, и не друзьями вовсе, я зря использовала это слово, мои чувства к обоим были... чуть иными. Я этого уже не знаю. Не знаю ничего.

— Может, поцелуй? — вкрадчиво спрашивает Скорфус, приподняв голову.

— Что, прости? — уточняю я, недоуменно глядя в его хитрый глаз. Решив, что поняла, склоняюсь чмокнуть это наглое недоразумение в темя.

— Нет, нет, не меня! — Он тут же уворачивается.

— Тогда о чем ты? — Теперь чую неладное.

— Ну, одно из правил, — не унимается он, расплываясь в ехидном оскале. — Поцелуи всегда работают.

Вот же маленький уродец.

— Угу, только нигде не уточняется, *как именно* в каждом конкретном случае они работают, — мрачно напоминаю я, передернув плечами. В волосах спящего Монстра уже нет

червей: пришлось вынуть всех по одному, потому что тащить их с собой было нельзя. Зато на уродливое лицо успел сесть какой-то не менее гадкий жук. Сбиваю его щелчком. — Хотя, если хочешь, можешь попробовать, я не осужу никакие твои предпочтения, я вообще не осуждаю своих друзей.

— Я не... — начинает он, но сам хлопает себя лапой по рту. — Ну да, ну да. Ирония.

Какое-то время мы сидим молча, потом Скорфусу это надоедает, и он слетает с моих колен. Лениво идет к Монстру, запрыгивает уже ему на грудь, выпрямляется там, расправив одновременно крылья. Спина выгибается дугой. Есть в этом что-то хищное.

— Точно нет? — спрашивает он, неестественно, под очень сильным углом вывернув голову, чтобы на меня посмотреть. Серьезно, ненавижу эти его выходки в духе «Я бог».

Снова пожимаю плечами, а потом делаю жест «Мой рот зашит и не годится для поцелуев».

— Тогда лучше тебе отвернуться. — Весь Скорфус, но особенно его глаз, хребет и когти, начинает светиться слепящим золотом. — Я серьезно. И это... хорошо, что ты его усыпила. Правда. Все, давай, отворачивайся.

О подобном он просто так не просит. Я слушаюсь сразу, но все же успеваю заметить, как его силуэт растет, как перекатываются под шерстью обычно незаметные мышцы. В воздухе что-то начинает потрескивать и гудеть, по отдаленному морю пробегает тревожный громкий плеск, тут же, впрочем, утихнув. А вот по телу бежит знакомый колючий озноб, и приходит внезапное желание — выкопать себе ямку в песке, переждать все там. Вместо этого я просто подношу к глазам ладони и прижимаю как можно крепче, ведь золотое сияние уже режет глаза.

Меня нет. Я ни в чем не участвую. Я ни за что не отвечаю. Я спряталась.

Но от звука, с которым звериные когти обдирают чужую кожу, пытаюсь отыскать под ней прежнее обличье, спрятаться сложнее.

ПРИНЦЕССА

В се стало меняться, когда мне исполнилось двенадцать. Я не сразу это заметила: слишком радовалась, что у Лина наконец появились *еще друзья*, и, может, поэтому не приглаждалась к ним пристально. К тому же я не разрешала себе забывать простую правду: Лин — принц. Будущий король. И далеко не всем, что происходит в его жизни, он должен делиться со мной.

Мы правда сблизилась больше, когда Эвер догадался о его зависимости. И Лину правда повезло: он сумел оставить зелье в прошлом без посторонней помощи, тем более без козьей мочи. Мы приучили его вслух говорить простые слова: «Мне тяжело и плохо». Делиться дурными снами. Он рассказал почти обо всем, через что мама проводила его за войну, — о трупах с развороченными ранами, о пленных на виселицах, о красном платье, летевшем на ветру, о словах в день перемирия: «Я слишком люблю тебя, чтобы оставить». И еще много разного. Страшного. Мы слушали, и я удивлялась тому, как Эвер владеет лицом. Ведь Лин повторял в том числе все проклятия, которые мама обрушивала на Физалию.

Пары зелья мы заменили на пары обычных эфирных масел — постепенно Лин привык нюхать пихту, лаванду и вербену, чтобы успокоиться, а иногда натирал ими виски. Мы начали совершать вечерние пробежки у моря, а еще завели несколько ритуалов — например, перед каждой важной встречей с папиными придворными я сама надевала Лину кольца на пальцы, а Эвер проговаривал примерные планы того, куда может свернуть беседа. Мы нередко встречали Лина и провожали, порой нам даже удавалось напроситься его сопровождать — обо мне еще не говорили как о будущей придворной волшебнице, но до этого было недалеко. Папа ведь впился в идею. Ему теперь казалось, что мы придумали все гениально: близость волшебницы и гасителя не позволит Лину повторить мамины ошибки. Наверное, брат вообще

теперь чувствовал больше поддержки, чем прежде. Меньше одиночества. И ему не нужно было зелье.

Но вдруг оказалось нужно что-то еще, чего мы дать не могли. Шторм продолжался.

Лин менялся на глазах, очень быстро вырослел. Лицо твердело, волосы становились пышнее, руки сильнее. Его красота теперь притягивала даже мой взгляд, он начинал говорить увереннее, а слушать его начинали с большим интересом. Порой, красуясь, он повторял странные философские тезисы Эвера — например, вот тот, про трудные и легкие пути, — но Эвер не обижался на эти кражи, только невинно уточнял: «Понимаешь ли ты все, что говоришь?» Лин смеялся и твердил одно: «Что бы я без тебя делал». Переводил взгляд на меня, добавлял: «И без тебя».

Но вскоре оказалось, что без нас он может делать очень много. И будет.

Двадцать королевских лет отца истекли через четыре с половиной года. Все его патриции, командующие, эпистаты¹ и прочие большие люди уже понимали: пора занимать места *втроем*. Новый король, конечно, продолжит курс старого, все будет нормально, но... новый король точно захочет новых лиц в ближнем окружении. Молодых лиц. И лучше, если эти лица будут свои.

До пятнадцати лет с Лином дружили менее рьяно — ну, точнее, к нему по-настоящему не навязывались. Он общался с детьми как знати, так и прислуги, он влюблялся в дочерей как патрициев, так и поваров, на днях рождения и больших праздниках вокруг него вертелись толпы юношей и девушек. Но никогда раньше они — прежде всего, богатые, конечно, — так не старались задержаться рядом, обратить на себя его внимание, оттеснить других. Не дарили таких дорогих подарков, не напрашивались на танец, не звали то на охоту, то на скачки, то на какое-нибудь еще состязание. Мне все это

¹ Эпистаты — чиновники.

Часть 1. Правила волшебников

казалось гадким. А вот Лину, прежде довольно замкнутому и застенчивому, теперь, кажется, льстило внимание. И, наверное, он боялся, что подведет отца, если не станет... как там называет это Скорфус... «более социально удобным», что бы это ни значило.

Одна из Кошмарных недель прошла для меня особенно сложно, в нее у меня еще началось женское кровотечение, — и все это время Эвер носился со мной. А когда оба мы, порядком потрепанные, вновь вылезли на свет, то оказались перед свершившимся фактом: у Лина появилось что-то вроде постоянной, не отходящей от него почти ни на шаг компании. Человек восемь юношей и девушек его возраста и возраста Эвера. Шумные, резкие и мнящие о себе так много, будто родились от королей.

В честь моего выздоровления Лин потащил и их, и нас на берег, чтобы вместе поужинать у воды. Они оглушительно смеялись, много пили, неаккуратно — в основном руками! — ели, говорили друг другу постельные пошлости и постоянно швыряли друг друга в воду. А еще они странно смотрели на нас. Нет, никто не спрашивал, что мы делаем рядом с Лином, но этот вопрос читался, и разговоров между ними и нами все никак не получалось. В следующий раз Лин пошел гулять с друзьями один. А еще через несколько дней, в дождь, попросил нас куда-нибудь исчезнуть. Ну, пока он посидит в экседре с этими ребятами.

— Будете играть в петтейю? — с надеждой спросила я. С нами Лин не играл давно.

— Нет, — небрежно ответил брат. — Это же скучно.

— А во что тогда? — Я не стала спорить, хотя и растерялась. Петтейю Лин всегда любил, особенно сложные комбинации вроде гамбитов, которым научился у папы и Эвера.

— Будем просто разговаривать, — пояснил брат все так же равнодушно. — Об оружии. И о лошадях. Тут мне подарили жеребенка, помнишь?.. Надо обсудить, как его воспитывать.

— А чем тебе помешаем мы? — совсем удивилась я.

И в оружии, и в жеребятках мы разбирались не хуже, а где-то и лучше Лина. И между прочим, оба, в отличие от него, носили оружие, что ковалось из настоящего, могучего Святого железа с горы богов. Мое еще и Фестус выковал! Лин пользовался обычным: Святое дается не всем, не сразу. Чтобы овладеть мечом, секирой, перчаткой, чем угодно из него, пусть даже не живым, металл должен сам тебя выбрать. С царственными особами это рано или поздно происходит, но вариантом Лина, видимо, было «поздно» — еще одна вещь, из-за которой он сердился и переживал. Конечно, он мечтал короноваться — а коронуемся мы всегда с оружием — с великолепным двуручным мечом себе под стать. Чтобы обрести его, брату оставалось четыре года. Пока все живущие в замковой оружейной мечи наших предков и великих героев глубоко его презирали.

Лин смутился. У него забегали глаза. Он посмотрел на Эвера, снова на меня, отвернулся к столу, на котором стояли кувшин с вином и некоторое количество кубков, и тихо ответил:

— Вообще-то, ты, Орфо, можешь остаться. А вот *ему* придется ненадолго уйти.

Не говори о нем так, будто его тут нет. Лин забыл правило. Забыл!

Меня словно прошила холодная иголка с ниткой — я даже рот открыла. Беспомощно посмотрела на Эвера и сразу заметила то, что всегда меня страшило и расстраивало, — как застыли его глаза и как еще сильнее побледнело лицо. Сжались губы. Чуть ближе сошлись у переносицы брови. Но удивленным он не выглядел. Совсем нет.

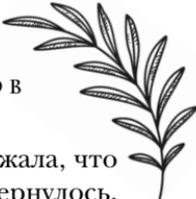
— Понятно, — только и сказал он, бесшумно развернулся и вышел. А я, не подумав и секунды, побежала за ним. Брат меня не удерживал.

Дойдя до угла коридора, остановившись и присев в самой большой оконной нише, Эвер стал задумчиво смотреть на дождь. Он был... таким, не знаю, как описать это, но очень несчастным. Я опустилась рядом, и наши колени соприкос-

Часть 1. Правила волшебников

нулись. Я было потянулась к его руке, но она задрожала, что напугало меня еще больше. Какое-то прошлое вернулось. Что-то, от чего я отвыкла и не собиралась привыкать назад. От этого во мне зашевелилась злость.

— Почему он тебя... — Я не смогла произнести слово «выгнал». Это было бы унижительно. Унижительно даже в отношении раба или слуги. У нас так не делали.

Эвер очнулся и тепло посмотрел на меня. Как и всегда в дождь, его глаза казались еще ярче.

— А ты как думаешь? — только и спросил он, но я упрямо пожала плечами.

Такого никогда не было. Мы же дружили. Такого не было, даже пока Лин скрывал от нас правду о зелье. И это не говоря уже об *изначальной* причине, по которой Эвера приставили к нам. Лин не только обижал нас, но и пренебрегал страхом отца за его жизнь. Нарушал запрет, оставляя волшебника и избавляясь от гасителя!

— Орфо, — Эвер прервал тяжелую тишину, — все эти ребята, с которыми он общается, очень разные. Совершенно разные. Но их объединяет одно: как и большинство гирицев, они считают, что гасители — ниже, чем рабы. Такие... придатки к волшебникам.

— Неправда! — возмутилась я. Теперь, через несколько лет нашего знакомства, я и не вспоминала мерзкое слово «обслуга», не говоря уже о чем-то упомянутом в законе. Эвер покачал головой и прислонился к окну. Казалось, он пытается спрятать взгляд.

— Так или иначе, в их представлении мне нельзя находиться в комнате, где король и его... Боевое Братство разговаривают.

— Боевое Братство, — прошептала я. Не такой Круглый стол, или как там это называется, я представляла. — Он, значит, рассказал тебе о своей детской мечте?..

— Да, — просто ответил Эвер. Помедлил. — Пару лет назад. — Вдохнул. — И сказал, что я обязательно буду в Брат-

стве тоже, но, видимо, нет. Я ведь еще и физалец, а среди его... друзей есть «дети героев». Те, чьи семьи погибли в той войне. Боюсь, это важно.

Я чуть не заскрежетала зубами. «Дети героев»! Что-то вроде золотых сироток, ну да. Целых пятеро в любимой компании Лина были именно из таких: без отцов и матерей, но с огромными пособиями и привилегиями. Конечно же, им не хотелось видеть Эвера, это даже можно было немного понять, но... но... Лин! Почему Лин уступил им, а не нам? И разве не его задача как короля — всех подружить и помирить?

— Ты что, Орфо? — Эвер спросил так мягко, будто это меня сейчас выбросили в мусор.

Я сглотнула, сжимая и разжимая кулаки. Мне захотелось обнять его, крепко-крепко, а потом побежать в экседру к брату и надавать ему с десятков пощечин, а то и вызвать на поединок. Мы уже оба неплохо сражались. Не дотягивали до Эвера, особенно когда он хватал любимое оружие — когтистую железную перчатку для правой руки и ловкий хлыст для левой, — но все же многого достигли. Я даже спрыгнула с подоконника, но Эвер тут же посмотрел на меня усталым взглядом: «Не надо, ничего не надо», и я приросла к месту. Ему было плохо. Я не могла его оставить.

— Это неправильно, — только и сказала я. От слов кололо в груди.

— Может, это и не повторится. — Он словно пытался утешить и меня, и себя. — Посмотрим. У всех бывают такие годы, годы, когда хочется, чтобы тебя... приняли?

Годы шторма. Но как смеет шторм *принца* быть таким грязным и гадким?

— Его и так примут! — Я топнула ногой. — Он же будущий король!

Эвер смотрел с грустью. Теперь он точно жалел меня, не себя.

— Это разное. — Больше он тему не развивал. — Давай просто забудем. Не расстраивайся. Хочешь сыграть в петтейю?

Часть 1. Правила волшебников

И мы играли до позднего вечера, играли, а из соседней экседры даже сквозь толстый камень долетал гогот короля и его Братства. Не знаю, что они там правда обсуждали, но я дергалась, постоянно дергалась, а Эвер, наоборот, оцепенел. Мы мало разговаривали, уничтожая фигуры друг друга. Наши партии были долгими и неторопливыми. Меня не оставляло ощущение: все неправильно. Нельзя поддаваться. Я вглядывалась в Эвера, в его сосредоточенные глаза и гадала, что он чувствует. Но он прятал это так же ловко, как играл.

На следующий день Лин завтракал с нами как ни в чем не бывало. Это выражалось в двух вещах: он был очень мил и он даже не думал просить прощения или что-то объяснять. Он просто вычеркнул свое предательство из памяти. Или, по крайней мере, сделал вид. Эвер тоже ничем его не попрекнул. Я кипела и ерзала: как так? Друзья так не поступают. Друзья не врут.

После завтрака я надевала брату кольца – шесть, с разноцветными камешками. Он сидел в кресле, неподвижный, прямой, с вытянутыми мне навстречу руками и смотрел, кажется, куда-то на мой лоб.

– Зачем ты обидел нас? – не удержавшись, спросила я, когда нацепляла на большой палец его левой руки перстень с крупным лимонным янтарем. Знак спокойствия.

– Обидел? – Он недоуменно посмотрел мне в глаза. – Когда?

– Вчера. – Я взяла маленькое колечко с крупным рубином и надела ему на правый мизинец. Знак красноречия.

Лин задумчиво пошевелил пальцами:

– Не понимаю.

– Все ты понимаешь! – От злости я попыталась нацепить малахитовое колечко для безымянного пальца – знак твердости – ему на указательный. Он поморщился. – Ты... ты прогнал нас!

– Только его, – мягко возразил Лин.

Я надела кольцо на правильный палец и взяла следующее, сапфировое. Знак чуткости. О которой брат будто забыл.

— Эвера.

— Эвера. — Он кивнул, подставляя мне средний палец левой руки.

— Так почему? — Я надела кольцо, с отвращением чувствуя: моя рука дрожит. — Почему?

— Ну... — Он помедлил. Все его пальцы тоже словно бы свело судорогой. — Мне просто показалось, компания ему не понравилась. В прошлый раз. Он сидел такой строгий, не играл с нами, не бросал девчонок в море и не... щупал их, отказывался от вина...

— Это потому что он взрослый! — Я даже вспыхнула, схватила большое кольцо-веночек с яшмой и нацепила на второй его большой палец. Знак удачи. Хорошо бы не сработал.

Лин странно скривился — то ли угадал мои мысли, то ли обиделся на слова.

— Мы тоже уже не дети. Выглядело это так, будто он... ну, он...

— Что? — Тут я почему-то похолодела. Взяла последнее кольцо, с большим круглым лазуритом, сжала между ладоней. Оно было холодным. Это немного отрезвляло.

Лин опять посмотрел мне прямо в глаза. Слова упали тяжелее камней.

— Будто он считает себя лучше нас. Умнее. Выше. Так сказали ребята.

— Что?! — повторила я уже яростнее, сунула это последнее кольцо — знак долголетия — ему в ладонь и резко встала. — Лин, ты с ума сошел? Давай начнем с того, что он *правда* взрослее тебя. И взрослее твоих взрослых друзей. Да, ему столько же, сколько им, но то, что он пережил...

— Возможно, мне только кажется, — поспешил ответить Лин. Он глядел на меня снизу вверх с заметной опаской. И не зря: я вполне могла бы дать ему в нос коленом. Удивительно, как я еще держала при себе волшебство.

Часть 1. Правила волшебников

— Конечно, кажется, — грозно подтвердила я.

Он повертел кольцо в пальцах и все же надел. Когда он встал, это было какое-то усталое, натужное движение. Он даже плечи не смог нормально расправить, из-за чего показался ниже.

— Вот именно потому, что я не хочу об этом думать и это обсуждать, будет лучше, если Эвер и мое... Братство будут меньше пересекаться. Со временем, думаю, они привыкнут друг к другу. Но пока... — прозвучало почти умоляюще.

— Это гадко. — Я покачала головой. — То есть... — Тут я задумалась. — Может, это и разумно, но ты все устраиваешь неправильно. Ты не должен именно *прогонять* его!

— Да. — Отрицать он не стал, и я обрадовалась. — Тут ты права, малыш.

Вид у него был вроде не злой, а, пожалуй, даже смущенный, и это меня немного успокоило. Может, Эвер прав. Может, все это одно большое штормовое помутнение, которое не повторится. Конечно, брат рисовался перед новыми друзьями, особенно перед девочками. А еще, наверное, побаивался, что такой красавец, как Эвер, будет отвлекать на себя внимание! Правда ведь... даже за тем злосчастным ужином у моря я замечала, *как* они посматривают на моего гасителя. Так смотрят на красивые вещи за стеклом, которые очень хотели бы потрогать.

— Ну так обещай больше подобного не делать! — немного успокаиваясь, примирительно потребовала я. — Если уж собираетесь куда-то без нас, просто собирайтесь потише. А не так, что ты с нами, а потом заявляешь: «Слушайте, ко мне идут друзья, а вы сгиньте».

— *Ты*, Эвер, — с явным облегчением поправил Лин и попытался потрепать меня по волосам. — И не «сгинь», а «удались, пожалуйста, ненадолго, тебе все равно с нами скучно». — На этом я бы совсем утихла, но, то ли подлизываясь, то ли дразнясь, он вдруг куда более серьезным, даже жестким голосом добавил: — Тебя я бы никогда...

Тебя. Он словно разделил нас с Эвером чертой. Зачем, почему?! Никто не смеет нас разделять! И папа, как же папин страх?

— Меня это не устроит, — снова всплыв, отрезала я, и рука Лина замерла на моей макушке. — И вообще... ты что такое творишь? Эвер рядом с тобой, когда рядом я, не просто так, а для твоей же безопасности! — Я отчеканила почти по слогам: — Я волшебница. Он *гаситель*. Мой.

Казалось, я говорю очевидное, то, что он должен держать в голове и сам, ведь почти взрослый тут он, а не я. Но лицо его, по мере того как он слушал, снова становилось... странным. Я не могла описать это выражение, но определенно там проступала обида. И более того, недоверие, почти злость. Пальцы чуть сжались. Моим волосам стало больно.

— Я помню, поверь. Но иногда мне кажется, — медленно начал он, прежде чем я выпалила бы еще «Так что либо вместе, либо никак!», — что все это надуманные глупости.

— Риск твоей гибели? — опешила я. — То, что волшебники веками сходят с ума, как наш прадед? То, что, если я убью тебя, папа, возможно, тоже погибнет, потому что останется без наследников?

Это просто не укладывалось в голове. Нет, я все еще не чувствовала себя сумасшедшей, менструация усилила мой дар, но не ослабила пока разум, и все же... Я, наверное, выросла. И все более ответственно относилась даже к тени риска, который могу нести для брата. А он?

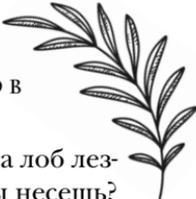
— Признайся, — не отреагировав ни на один довод, Лин вдруг неприятно улыбнулся, — ты ведь тоже так считаешь. Хотя бы немножко.

— Как? — Я не поняла: потеряла мысль. Он наконец опустил руку и медленно отступил на шаг. Кольца блеснули пестрыми камнями.

— Что он лучше меня. — И это тоже прозвучало серьезно, обиженно, почти грубо.

Часть 1. Правила волшебников

— О боги! — Я топнула ногой, у меня уже глаза на лоб лезли от того, до чего мы договорились. — Лин, что ты несешь? Вы... разные. И люблю я вас тоже по-разному.

— А как ты любишь его? — быстро, вкрадчиво спросил Лин. Я совсем опешила.

— Чего?..

Но тут он быстро сдал назад.

— Нет, нет, ничего такого. Прости.

Я запоздало заметила, что лицо у него горит. Неужели застыдился наконец своих домыслов, выделываний, дурацкой ревности? Слава богам! Еще несколько секунд между нами висело душное молчание. Казалось, солнце из окна светит все ярче, но это было неприятно.

— Обещай больше не обижать нас, — тише, мягче повторила я. Оба мы понимали: я имею в виду «не обижать Эвера». Но Лин кивнул без колебания.

— Конечно, малыш. Обещаю.

Но он продолжил — нет, все постепенно становилось хуже. Уводить и приглашать компанию он действительно начал так, чтобы мы не сталкивались с ней, просто это ничему не помогло: с Братством он теперь проводил почти все время, которое не отнимал отец. Более того, Братству он явно стал рассказывать какие-то секреты. Посвящать их в свои королевские планы. Обещать что-то — должности, награды? Я угадывала все это по их самодовольным лицам и щенячьим взглядам. Угадывала по тому, как наряжаются в яркие туники и открытые платья девушки: они уже явно боролись за *другое* внимание Лина. Быть королевой Гирии ведь не хуже, чем королем. Супруги равны. Каждому подчиняется половина войск, каждый назначает половину патрициев и судей, каждый распоряжается половиной казны, у каждого свои советники. Я рассматривала этих девчонок — ловких, быстрых, пестрых. Вглядывалась в их глаза и... переживала. Они все казались мне безответственными, пустыми и жадными. Моя мама хотя бы — до того как потеряла рассудок

и начала войну — была умной и целеустремленной. И любила цветы и театр, а не выпивку и гулянки.

Страхами я делилась с Эвером: все-таки он уже тоже считался гирийцем, и я не сомневалась: его тревожит судьба трона. Но, как ни странно, здесь он оставался спокоен, все, что я от него слышала, было: «Не волнуйся. Он не будет сейчас выбирать королеву, это все игры». Эвер говорил безразлично. Глухо. Задумчиво. Постепенно я перестала жаловаться на девчонок: поняла, что у него свои поводы для тревог. И немаленькие.

Даже когда друзей не было, Лин с нами больше почти не ел — а однажды, когда Эвер заспался, попытался позвать меня за стол одну. Он совсем перестал играть с нами в петтейю и ушел учиться драться к другому наставнику — напросился к самому киру Илфокиону. Когда я спросила почему, брат отшутился: «Тоже хочу иногда побеждать. Может, Святое железо меня наконец полюбит?» — вот только в глазах сверкало не лукавство, а раздражение. Потом Лин пропустил мой день рождения — не стал отмечать с нами, в то утро они с друзьями взяли корабль и до ночи ушли на ближний остров нырять за жемчугом. Но окончательно я поняла, как все ужасно, позже — когда, поприступовав на каком-то очередном важном мероприятии с отцом и обронив там слова: «Всякая любовь — в той или иной мере рабство», брат огрызнулся на привычный шуточный вопрос Эвера:

— Понимаешь ли ты то, что и почему цитируешь?

— Понимаю лучше тебя, — бросил Лин, и, хотя тут же, побледнев, стал извиняться, я знала: Эвер не сможет этого забыть.

Он по-прежнему скрывал, как расстраивается. Он держался так, что я просто не могла его встряхнуть и спросить: «Ты точно в порядке?» И мы молча продолжали жить, стараясь делать вид, будто все как раньше. Я училась драться и делала успехи в науках, я обрастала большим количеством колец

Часть 1. Правила волшебников

и куда лучше управлялась с силами. Меня расстраивало, что я вроде расту, но не становлюсь красивой — не похожа на девочонку Лина. У меня появилась грудь, но ее форма мне не нравилась, мои длинные ноги казались тощими, словно у кузнечика, лоб и подбородок шли иногда гадкими розовыми бугорками, от которых приходилось спасаться масками из кислого молока. А еще были чувства. Я справлялась с ними хуже, чем раньше, могла начать кричать и топтать ногами почти на ровном месте. В такие дни по комнате летали предметы, кувшины взрывались, слуги разбежались. Папа говорил, это нужно просто пережить. Эвер говорил, что все не так плохо. Шторм есть шторм.

На него одного я не срывалась — где-то в моем рассудке всегда существовал уголок, полный сочувствия. Я еще не все вещи умела называть своими именами, но кое с каким понятием у меня проблем не было. Я знала, что такое гордость. Я знала, что такое уязвленная гордость. Почти сразу, как Эвер появился, он стал в замке *своим*. Папа воспринимал его почти как второго сына: порой одаривал и хвалил именно так, доверял ему, возлагал на него надежды и ни разу не напомнил о прошлом. От статуса раба Эвера избавили в первый же год жизни со мной. Он все это ценил и держался за это. Думаю, за четыре года он привык к своему... положению и стал воспринимать как должное. Отец оставался на его стороне и теперь, я тоже.

Но с Лином происходило то, что происходило. А я не понимала, как это опасно.

Он все маялся на распутье — и это было невыносимо. Порой, когда, например, брат с компанией отдыхал в одном уголке пляжа, а мы в другом, я замечала: члены Братства косятся на нас и шепчутся, показывают на Эвера пальцем. Лин в такие минуты выглядел хмурым. Вскоре после того как шептание заканчивалось, брат спешил к нам, здоровался, заискивающе улыбался. В пустой болтовне проводил рядом минут пять и спешил назад. Это было гадко. В один из *послед-*

них дней, взбешенная, я кинула ему песком в лицо, будто вернулась в пятилетний возраст. Лин среагировал довольно странно: долго и пристально глядел не мне, а Эверу в лицо и наконец велел:

— Следи получше за нашей малявкой.

«Малявка». Не «мальш». Когда Лин шел прочь, я усталилась ему на лодыжки. Он упал.

За своей крепнущей злостью я не видела самого важного: во что постепенно превращается грусть Эвера. Мне казалось, он-то спокоен, спокоен, как всегда, пусть и огорчен. Что он очень гордый, настолько гордый, что буйства дурацкого мальчишки — Лина — переживет, перетерпит, пока брат не образумится. Сам ведь говорил: «Всем иногда хочется быть принятыми. Шторма кончаются». Сам не лез ссориться. Сам брал меня за плечо и удерживал, не давая ударить Лина, и просил не применять к нему сил. На Эвера я равнялась. И может, поэтому сделала то, что сделала, когда он сломался.

Я-то уже была сломанной.

В тот день снова лил сильный дождь. Лин разбирал бумаги с отцом, я скучала в своей комнате одна — Эвер куда-то делся. А потом волшебство — моя интуиция — буквально подбросило меня в кресле, сердце заколотилось так болезненно, что я испугалась: вдруг умру? Во рту пересохло, перед глазами замелькали размытые картинки: силуэты людей, в смутно знакомом серо-синем месте. Пляж. Бухта. Какие-то черно-красные пятна на камнях. Непонятно чем напуганная, я вскочила, вылетела в коридор, а оттуда понеслась по лестницам.

С улицы я слышала шторм.

Мне нужен был выход на крепостную стену, а там — спуск к морю, вырубленная в скале тропа, по которой мы с детства ходили купаться. Мне попадались слуги, но я всех сметала с пути, не силой, только словами: «Мне надо!» К таким моим выходам привыкли, никто не останавливал меня, не

Часть 1. Правила волшебников

задерживал, и на первых ступенях спуска я оказалась быстро. Настолько быстро, что застала минуту, когда картинка была еще серо-голубой. Покрывать красными пятнами она начала, только когда я уже неслась вниз.

Там, на пляже, несколько цветных фигур — три парня и одна девушка — обступили белую. Эвера. Я видела, что они кидаются на него, я видела, что он отбивается, и точно знала: это не игра. Двое в какой-то момент повалили его, попытались прижать к песку, но он освободился — и в воздухе блеснул металл. Грудь одного из нападавших стала красной, он отлетел и больше не встал. Трое снова бросились. Я завизжала, но за дождем и шумом волн меня никто не услышал.

Я застыла посреди лестницы, не чувствуя тела: ни ледяного ветра, ни дождя на коже. Я не понимала, бежать мне назад и звать часовых, которых я совсем недавно видела в приморском крыле, или, наоборот, поспешить вниз, попытаться самой всех их разнять. Мои глаза просто не верили картинке. Мое сердце тоже.

— ЭВЕР! — закричала я, но опять он меня не услышал. Никто не услышал.

Я решила и побежала вниз что есть сил. Волосы липли к щекам, камни были скользкими и сыпались, дважды я упала, чудом разбив только колени и локти. Лестница никогда не казалась мне такой длинной, с Лином мы преодолевали ее минуты за три! Местами она петляла, тогда пляж пропадал с глаз и я начинала паниковать, потому что каждый раз, как панорама снова открывалась, крови на песке становилось больше. За влагой, застывшей глаза, я даже не могла понять, чья это кровь. Я больше не кричала, а вдохи отзывались в ушах жалкими хрипами. В боку кололо, будто там кто-то разбил на осколки большую ракушку.

На последней ступеньке я снова свалилась на четвереньки на песок — но тут же вскочила.

— ЭВЕР!

В ответ обрушилась тишина, чудовищная природная тишина, где из звуков остались только шелест дождя и рокот прибоя. Ни криков. Ни лязга оружия. Ничего человеческого.

Яростно вытирая кулаками глаза, я сделала несколько быстрых шагов. Эвер стоял впереди — стоял один, тяжело дыша и сжав правый кулак, а вокруг валялось четыре тела. Разобрать, где среди стесанных лиц и распоротых грудных клеток девушка, едва получилось. Все были мертвы — а я их всех узнавала. Кирия, чьей роскошной каштановой гриве я завидовала. Гефу и Гофу, два брата-близнеца с клеймами ломателей. Аколлус, поджарый, плечистый, лучший мечник среди друзей Лина. Все — «дети героев». Это они частенько смеялись, поглядывая в нашу сторону. Это перед ними Лин сильнее всего старался выглядеть взрослым, независимым и презирающим как мелких девчонок, так и жалких гасителей. Они мне не нравились. И Эверу не нравились. Но...

— Что ты наделал? — прошептала я. Голос был хриплый, в нем дрожали слезы. — О боги, Эвер, что ты на...

Он молчал. Его волосы, белая одежда, красивое лицо — все было в алых подтеках, а на руке я видела железную перчатку, большую, чудовищную, с раздвижными когтями. Он носил ее с собой всегда в последнее время. Похоже, он переживал сильнее, чем я думала, похоже, его гордость больше напоминала гордость мамы, проигравшей войну с физальцами. Похоже, он не выдержал. Я задрожала. Впервые в жизни я не оцепенела, а задрожала.

— Орфо, — хрипло позвал он. Поднял свои *медленные* глаза. — Орфо, не кричи, я все могу...

И он сделал ко мне мягкий широкий шаг. Как всегда, когда хотел утешить или подбодрить, как всегда, когда мы здоровались перед тренировками, как всегда, когда я опаздывала к завтраку. Обычный дружеский шаг, и раз за разом, много лет подряд, я делала свой — навстречу. Но теперь Эвер

Часть 1. Правила волшебников

точно был не собой в этих красных пятнах, не собой — с этими окровавленными когтями, не собой — его глаза в дожде горели невыносимой бирюзой. Поэтому я шарахнулась, загородилась руками и завизжала только громче:

— Не подходи!

Нет, нет, нет... ты не мой Эвер. Не мой. Может, мои губы даже шептали это. Я не могла, не хотела смотреть на него. Я боялась увидеть какое-нибудь чудовище.

— Орфо, — позвал он снова. Споткнулся об одно из тел, раздавил ему пальцы новым неосторожным шагом. Я, вскрикнув, отпрянула еще дальше. — Орфо, посмотри на меня, я клянусь...

— Что ты наделал? — повторила я в третий раз. Он подошел ближе и протянул руку, она вся была красной и... — ИСЧЕЗНИ, ИСЧЕЗНИ, ИСЧЕЗНИ!

Это тоже был мой голос, мой визг, а в следующее мгновение я что-то сделала. Вскинула руку — и сам воздух схватил Эвера за горло. Махнула влево — и его с хрустом ударило о скалу, вдавило в нее. Начала поворачивать кисть, как если бы держалась за круговую ручку двери, — и он закашлялся, дернулся, а его металлические когти и живые пальцы проскребли по камню. Я напала на него. Напала и уже знала, что не остановлюсь просто так.

— Орфо... — просипел он. Взгляд не отрывался от меня. И наполнился страхом.

Наверное, он вспомнил моего прадеда. Я не помнила ничего.

— Ты убил их, — прошептала я. В груди ужасно пекло. — Ты убил их, ты сумасшедший...

А ведь сойти с ума должна была я, он — меня убить. Не наоборот.

— П-послушай... — пробормотал он, но это было еще глуше, чем оклик; я все поворачивала и поворачивала кисть, хотя ее уже свело, а уши заполнял хруст, дикий хруст костей. — Орфо...

Да, я напала, но я не понимала, что делаю и что хочу сделать, — наверное, причина в этом. Я крутила рукой, надеясь так вывернуть и выжать свою боль и ужас. Я снова и снова думала о маме, которой всюду мерещились враги. О безумных волшебниках, о гасителях, которых закон делал рабами — ну конечно, они не могли терпеть это, многие не могли, Эвер точно. Он отомстил Братству. Как он мог не отомстить, как мог не понимать, что, заняв важные должности при Лине, они ополчатся против него еще сильнее? Как мог забыть обещание «Ты будешь среди них», как мог забыть свое молчание о наркотическом зелье и свое бесконечное терпение? Я понимала его. Он терпел слишком долго, терпел все, даже подлости. Но он не имел права на то, что сделал.

— Предатель! — Всхлипнув, я сжала кулак.

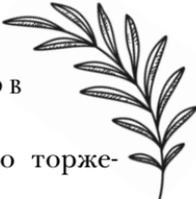
Казалось, так я на пару секунд остановлю сердце Эвера, лишу его сознания, а дальше можно будет позвать целеров. Но этого не происходило: он, вжатый в скалу и зависший над песком, продолжал отчаянно на меня смотреть, корчась от боли. Кости трещали, глаза жгли меня, а я плакала, стискивала кулак все сильнее и пропустила момент, когда по груди Эвера начало расплзаться первое черное пятно. От этого он вскрикнул, странно выгнулся, забился, как животное в силке. В тот же миг вокруг его силуэта образовалось что-то вроде толстого пылающего красного контура, а по плечам побежали искры, целый дождь злых маленьких искр.

— Орфо... — позвал он снова. Второе черное пятно начало расплзаться на его щеке.

Ты убиваешь меня. В полных ужаса глазах читалось это, рот перекашивался, пальцы продолжали царапать стену — ногти уже стесались в кровь. Я это видела, я чувствовала: что-то идет не так, но остановиться не могла. Вместо этого я, точно меня подтолкнули, резко вскинула и вторую руку, тоже выкрутила кисть, сжала кулак — и задохнулась от боли во всем теле.

Часть 1. Правила волшебников

Боли и злого, безнадежного, бессмысленного торжества.

Раздался оглушительный взрыв. И сдавленный, полный страдания вопль.

Я до сих пор не знаю, что это было — взорвалось ли мое сердце, или волшебство внутри меня, или что-то там, снаружи, в том месте, куда... куда Эвер провалился. От взрыва я, крича, упала, зажмурилась на несколько секунд — а когда открыла глаза, окутанная красным огнем скала медленно гасла. На камне и песке под ним осталось только несколько кровавых пятен. Эвера не было, не было нигде, и я не нашла его, подскочив и ощупав место, где он висел. Не было следов, которые подсказали бы, что он убежал, не было ниш, в которых он мог бы спрятаться или куда мог бы упасть его труп. Я знала эти прибрежные скалы, высокие и щербатые, как свой шкаф.

Я едва двигалась, едва дышала: ребра болели, будто я их повредила; разбитые локти и колени кровоточили так, будто ссадины там были очень глубокими; вены вздулись. Очень быстро я устала искать на песке, обшаривать скалы, шептать: «Эвер, Эвер» и вернулась на место, где он меня встретил. В большую пропитавшую песок лужу крови. В точку между четырьмя трупами. Села там. И закричала, закричала во всю мощь легких уже другое имя:

— ИЛФОКИОН!

Так меня и нашли.

Трупы были изодраны перчаткой, которую стража не раз видела, — потому никому в голову не пришло подозревать в бойне меня. А у меня не хватило мужества признаться в том, что я сделала, и на вопрос: «Где твой гаситель?» — я сдавленно солгала: «Думаю, он сбежал». То же я повторила и отцу. Я понимала, что разбиваю ему сердце, но хотела разбить чуть менее болезненно, чем словами: «Это я его убила». Он, конечно, не плакал — он никогда не плакал. Но с того дня лицо его почти всегда было чернее тучи. Как и лицо Лина.

Те крупницы радости, которые оба они смогли вернуть себе после потери мамы, пропали снова.

После того дня общаться мы с братом перестали — теперь он почти всегда прятался от меня за Круглым столом. Для подданных наши узы короля и придворной волшебницы были уже решенным вопросом, но в действительности все складывалось совсем иначе, иллюзию мы поддерживали только ради папы, и получалось неважно.

Ведь брат, в отличие от него, что-то подозревал.

Он подозревал даже больше, чем правду. Он подозревал вещи хуже, чем правда, и я до сих пор не понимаю, откуда это взялось в его голове. Возможно, ее набили всякой дрянью оставшиеся члены Братства, предубежденные против волшебства. Возможно, он придумал историю сам, видя, как я плачу и заикаюсь. Впрочем, о существовании этой истории-у-Лина-в-голове я узнала только несколько лет спустя. Когда в Гирии случился очередной черный мор, приходящий раз в несколько лет, и изуродованный язвами, задыхающийся брат умирал на моих руках.

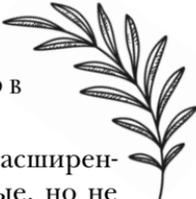
Он заразился, когда посещал больницу и подбадривал, награждал, благодарил трудившихся там медиков. Я не заразилась: волшебство давало мне неплохой иммунитет. В замке я ухаживала за всеми, за кем могла. Я выходила многих, но не его. Целительского дара у меня ведь не было. И даже Скорфус, которого я к тому времени уже подобрала, помочь не мог.

В свою последнюю минуту, когда я пыталась сбить ему жар смоченной в уксусе тряпкой, Лин вдруг схватил меня за тунуку и наклонил к себе, сжав ткань в кулаке с удивительной силой. Из его рта, от его бугристой кожи пахнуло гнилью так, что горло свело в рвотном позыве. Но я ни на секунду не забывала: это мой брат. И я даже почти заставила себя прошептать: «Что, Лин?»

— Малыш... — Звук словно шел не с его губ, а изнутри. И вместо мольбы о помощи в словах звенела ненависть. — Милый малыш.

Часть 1. Правила волшебников

Я остолбенела, тряпка выпала из моих рук. Расширенными глазами я смотрела в его поблекшие, мутные, но не отрывавшиеся от меня глаза. Не понимала, что делать. Не понимала, куда деться от этой внезапной злобы умирающего перед здоровым. И чем помочь.

— Ты убила их всех там, на пляже, — выпалил он, прежде чем я бы хоть откликнулась. — Признайся хоть теперь: убила. — Он помедлил. И, улыбнувшись совершенно безумно, добавил то, от чего я наконец очнулась, выдохнула: «Нет!» — и начала вырываться. — Молодец. Теперь-то я точно знаю: ты молодец. Почти как *он*. Тот, кого мы не упоминаем. Может, у вас и мотивы похожие?

Я дернулась снова, но Лин только впился в мою тунуку второй рукой. На моих глазах выступили слезы, от вони и от ужаса сразу, я быстро замотала головой. Я пыталась убедить себя: это просто бред, агония, от которой не спасает лазуритовое ожерелье на груди. В словах нет обвинения, нет злобы... нет веры. И нет смысла. Главное, нет смысла. У Лина нет ни одного повода сравнить меня с прадедом.

— Признайся, — твердил он, и глаза его медленно разгорались, как угли на ветру.

Похожие мотивы. Да как он может?!

— Отпусти! — Я перехватила его запястья, ставшие тонкими, как веточки, я боялась сильно сжимать их и потому только попробовала опустить. — Лин... не трать силы. Не глупи. О чем ты...

Но, скорее всего, он уже вообще меня не слышал. Мог только говорить, выплескивая что-то, копившееся и гноившееся слишком давно.

— Я уверен, что это ты, он никогда бы не стал, он не такой. — Лин облизнул губы. Язык у него был желтоватый, распухший и весь в нарывах. — ...Был не таким. Был.

Был. Я забылась. Я все-таки стиснула его выступающие, обтянутые кожей кости. Всего на секунду, но я захотела сло-

мать их, а потом сжать пальцами шею и остановить биение пульса под тусклой опрелой кожей. *Замолчи, замолчи, замолчи. Если кто-то и виноват, то ты, ты, ты его довел.* Но я не говорила этого вслух.

— Ведь ты и его убила. — Это брат прошептал, и вопросом это не было. — Я знаю, ты убила его, Орфо. Потому что ты никогда его не заслуживала. — Он закашлялся. Кровь вперемешку с гноем брызнула на мое лицо, а я все не отстранялась и не отстранялась, точно вмерзшая в лед. — Ну ничего. Ничего. Возьми другое заслуженное. Возьми. Да здравствует... королева.

Королева.

Его хватка ослабла, прежде чем я бы вырвалась. Он откинулся на подушку и затих. Перстни на его скрюченных руках остались единственными яркими пятнами в мертвой серости. Волосы прилипли ко лбу, не сумев скрыть темных дыр и рытвин. Лазурит на груди потускнел.

— Лин... — Я робко, самыми кончиками пальцев тронула его шею, сама в ужасе от недавнего своего яростного порыва — душить, ломать. Пульса не было. Не было и без моего гнева. — Лин!

Я сидела над трупом брата, смердевшим все сильнее, еще почти час, без движения, без слова. Я терла лицо, давила кулаками на глаза и гадала, мучительно гадала. Неужели все эти годы он правда думал, что делит замок с убийцей? Считал, что меня уже свело с ума волшебство, и приписывал мне что-то... еще? *Мотивы прадеда.* Мотивы, о которых никто до сих пор точно ничего не знает, а то, что мы знаем, слишком постыдно и жутко. Но при чем тут я? Лин... Лин думал, что я защищала Эвера? А потом, когда он не оценил мою щедрость, прикончила в довесок к «детям героев»? Или... или...

Я не плакала. Как ни странно, я не плакала. Во мне вообще не было никаких чувств, кроме одного. Ужаса. Иссущающего ужаса. Ведь я знала, что как минимум наполовину Лин прав.

Эвера больше нет из-за меня. Он мог рассказать Илфокиону свою версию событий, и мы могли многое понять лучше, но я сделала так, чтобы этого не произошло. Это я. Я его убила.

Точнее, как оказалось теперь, я сделала с ним что-то намного хуже.

ЧУДОВИЩЕ

Когда я поворачиваюсь, песок весь в крови. В сумраке кровь кажется черной, красный оттенок едва различим. Зрелище слишком о многом напоминает, приходится еще на секунду зажмуриться, сглотнуть и сделать глубокий вздох. Только после этого я опускаю взгляд. Скорфус, довольный работой, уже умывается, сидя в сторонке.

— Все как ты заказывала. Теперь-то можно домой, а?

Не отвечая, я рассматриваю человеческую фигуру, лежащую навзничь. Посреди всей этой темной крови, в месиве черно-серых нитей и лоскутов, медленно истаявающих, словно гнилой сорбет, кожа и волосы лунно белеют, даже не выглядят грязными. Грязные только обрывки одежды, которые, оказывается, тоже уцелели под этой... шкурой? Как еще назвать то, во что магия Подземья превратила Эвера, проникнув в его раны? Да, я помню эту легкую тунику, швары, даже одна из сережек-гвоздиков на месте. Зрелище ужасное, ужаснее всего рука, скрытая когтистой перчаткой из Святого железа. Это не особо популярное у нас древнее оружие тоже приняло прежний вид, то есть перестало напоминать лапу монстра. Когда я осторожно стаскиваю ее, кисть оказывается отекающей, но целой, обычной. Пульс стучит редко, зато ровно.

— Он правда ничего так, — бросает Скорфус. Он вылизывает себе то место, которое в приличном обществе не демонстрируют, и смотрит на меня из-под задранной задней лапы. С этого ракурса замечание звучит сально, и я, не выдержав,

пихаю своего излишне болтливую кошку так, чтобы он точно потерял равновесие. — Ну ты!

Я скользю по Эверу новым взглядом и подмечаю кое-что еще: он... вроде бы не изменился. То есть четыре года и не должны были превратить его в старика, между двадцатью и двадцатью четырьмя нет такой уж огромной внешней разницы, и все же. Он совсем такой, каким я его помню. Совсем такой, каким был в последний день. Мне уже почти семнадцать. Разница между нами ничтожная. И это очень странно, ведь я привыкла смотреть на него снизу вверх. А теперь мы вроде бы даже в росте почти сравнялись.

— Да здравствует королева? — говорит Скорфус, ухмыляясь во всю морду. Меня передергивает, хотя он и имеет в виду совсем не то, что Лин.

— Нет. Впереди самое сложное. — Я медлю. — И думаю, ты мне уже не поможешь.

— Все настолько плохо? — Он поднимает то, что можно назвать бровью, — тоненькую полоску чуть более светлой шерсти над глазом. — Ты уверена, что все вот это... — лапой он неопределенно обводит пространство вокруг нас, — не засчитают? Вот так сразу?

— Уверена. — Мои мысли тяжелее всех нависающих над этим пляжем скал. Я снова опускаю взгляд на лицо Эвера. — Теперь уверена как никогда.

— Может, тогда... — он медлит, — просто убежим? — Хвост оживленно дергается: похоже, Скорфус сам удивляется, как не додумался до такого простого плана раньше. — Куда-нибудь уплывем, а отцу ты напишешь записку с объяснениями, и тебе не придется...

— Двадцать лет, Скорфус, — тихо возражаю я. — Двадцать. Бежать нужно было раньше, а теперь времени нет. Отцу нужен преемник.

— Фекалии, — ругается он, шикнув сквозь зубы.

— Они самые. И потом...